

✦
ЗАКАТНИЙ ЧАС

Михаил Левин

ЗАКАТНИЙ
ЧАС

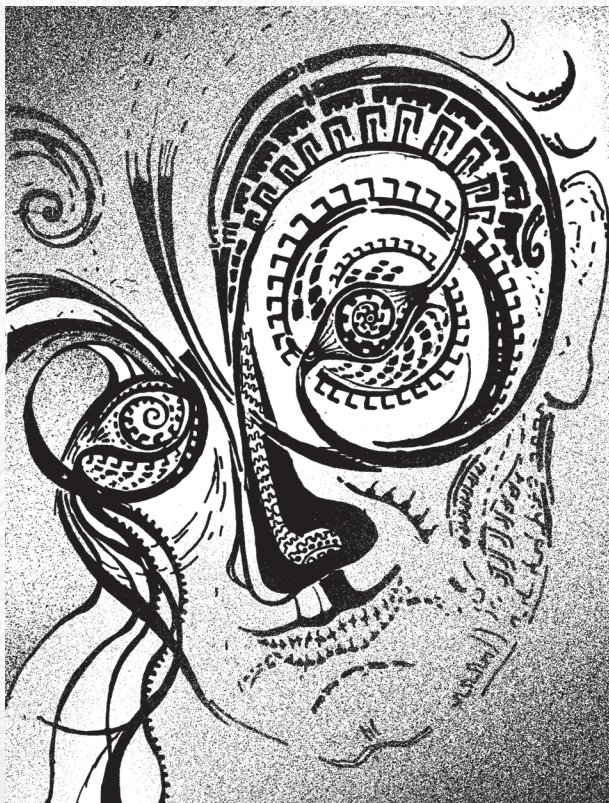
Михаил Левин

Михаил Левин

ЗАКАТНЫЙ ЧАС

Стихи разных лет

Augsburg
2022

Михаил Леонидович Левин

Михаил Левин

Закатный час: Стихи разных лет –

Библиотека журнала «Светлана в Германии»,

Аугсбург, 2022 – 264 с.

Литературно-художественное издание

В новую книгу известного поэта русского зарубежья Михаила Левина вошли избранные произведения (лирика, пародии, шуточные миниатюры) за 40 лет литературного творчества.

Его стихотворения отличают искренность, глубина и самобытность.

В их стилистике нет бравурности и дешёвого оптимизма, творчество М. Левина негромкое, зато ему присущи удивительная музыкальность и то особое качество – «лёгкое дыхание» – которое не даёт никакой выучкой, а дарится поэту, подтверждая его призванность.

Рисунки Якова Самойловича

В оформлении обложки использован фрагмент картины

Наталии Рудзиной

Автор сердечно благодарит адвоката Александра Беллера, доктора Владислава Тривакса, Елену Цулауф / русские магазины „Mix Markt“ в Аугсбурге, Владимира и Татьяну Анисенковых / ювелирный магазин „Gold und Schmuck“ за финансовую поддержку этого издания.

© Михаил Левин (тексты), 2022

© Яков Самойлович (рисунки, дизайн), 2022

© Лера Мурашова (послесловие), 2022

© Библиотека журнала «Светлана в Германии», 2022

ISBN: 978-5-0056-8733-3

Лабиринт

За руном

Набиты трюмы рыбой и вином,
Горланит гимны пьяная орава.
Войска плывут в Колхиду за руном,
Им боги даровали это право.

Не зря же говорил верховный жрец,
Ссылаясь и на миф, и на обычай,
Что золотая шерсть чужих овец
Считается законною добычей.

И надувает паруса Борей,
И брызги холодят хмельные лица.
Хотим руна и славы поскорей –
Всё будет наше! Всё нам пригодится!

В каюте улыбается Ясон,
Надеясь на предательство Медеи.
Солдаты погрузились в сладкий сон,
Навеянный величием идеи.

Пусть большинство вернутся на щите,
А со щитом – совсем-совсем немного,
И дети одичают в нищете,
И вдовы зарыдают у порога –

Пусть! А пока что все забылись сном,
Сомнения не дают им на плечи.
Суда плывут в Колхиду за руном.

А там и до Тавриды недалече...

Лабиринт

Здесь мрак непроглядный,
Здесь давит дремучая мгла...
О нить Ариадны!
Куда ты меня завела!

Летучие мыши
Шуршат перепонками крыл.
Я к пропасти вышел,
Я свой поворот пропустил.

Напрасно о лаврах
Я грезил в чаду суеты:
Здесь нет Минотавра,
Все залы темны и пусты.

Здесь души, как лица,
Грозят зарости бородой.
И не с кем сразиться -
Вот разве что с этой стеной.

Смешно и досадно.
Уже не помогут слова.
И нить Ариадны
Натянута, как тетива.

Становится душно.
И в сон начинает клонить...
Смотрю равнодушно,
Как рвётся жестокая нить.

Горгона

Твои глаза, как серые камня,
Не пропускают солнце и дожди.
Какие мне ещё нужны знаменья? –
Зрачки кричат: „Спасения не жди!“

Я верю, что ещё во время оно
Они таили смертную печать,
И ты, моя милейшая Горгона,
Мужчин любила в камни превращать.

Но я тебе давно по духу ближний,
Не попадусь в расставленную сеть:
Мой взгляд и холоднее, и булыжней,
А сердце научилось каменеть.

И мне не страшно жить среди камней,
Как я, тепла лишённых и корней.

Сизиф

До поры непостижимо – и пока неинтересно –
Что назначили мне сверху или выбрали внизу,
Лето красное пропето, и цена ему известна,
А теперь иду по снегу и салазочки везу.

Никаких тебе спасений, никаких тебе спасаний,
Будь ты трезвый, будь ты пьяный или триста раз больной,
Ни суббот, ни воскресений, ой вы, сани мои, сани,
Мёрзлый груз десятилетий, что скопились за спиной.

Никогда не доводилось жить за пазухой у Бога,
Никогда ещё не бегал у Судьбы на поводу,
Только в качестве итога – эта белая дорога,
И ведёт дорога в гору, по сугробам да по льду.

Всё завьюжено в округе, холод – волчий, не собачий,
Даже если поскользнулся и над пропастью повис, –
Будет так, а не иначе, вот условие задачи:
Дотяну их до вершины – сани сами съедут вниз.

Обходя сторонкой горы, станут умники открыто
Потешаться над беднягой, что живёт не по уму,
А с немодным чувством долга, хоть давно уже забыто,
И кому я это должен, и за что, и почему...

Антей

Мерцает тусклая звезда
В немислимой дали...
Как тяжело знать, что навсегда
Оторван от земли.

Зачем я застил столько лет
Собою белый свет,
Когда в итоге смысла нет,
Когда опоры нет?

Я был, как вы, и жил, как вы,
О люди и кроты:
Не подымая головы
От вечной суеты.

Богов усердьем веселя,
Работал, сколько мог.
Но пробил час, когда земля
Уходит из-под ног.

И я сказал себе: „Чудак,
Перед тобою вись,
Ты жил не так, ты жил не так –
Попробуй, поборись!“

Я упивался той борьбой,
Пока хватало сил,
Сцепившись со своей судьбой,
Почти что победил.

А люди счёт иной вели
И ахали вдали:
„Ах, он оторван от земли,
Оторван от земли!“

И мелкой злобы не тая,
Что я не приземлён,
Насочиняли, будто я
Одной землёй силен.

Но помнит эхо древних скал
И помнит звёздный лес
Того, кто землю потерял
И не обрёл небес.

Орфей

Из тысяч нескончаемых утрат,
Из боли оглушительной вчерашней
Был выстроен твой персональный ад,
Вполне привычный и почти домашний.

Там стыли воды Леты, а за ней
Струились дни, и каждый день был – судный,
И стала тенью ты среди теней,
Безликой, безымянной, беспробудной.

Но я-то помню: ты была иной –
Земною и до крайности отважной.
И я спустился. Боги надо мной
Смеялись иль мужи – не это важно.

Но будет вечер чистым, как слеза,
Свет нежности поборет злые тени,
Я зацелую пальцы и глаза
И головой уткнусь в твои колени.

Так я решил – и, значит, будет так,
Не усташусь огня или металла,
Ведь даже муки адские – пустяк
В сравненьи с жизнью, где тебя не стало.

Хотя и не гожусь в поводыри,
Я вызволю любовь из пасти ада!
На это мне сказали: „Что ж, бери,
Но здесь в её лицо глядеть не надо“.

Мы шли из невозвратной стороны,
И тени нам кивали равнодушно.
А стены были так раскалены,
Что фонарей и факелов не нужно.

Но вдруг меня объял холодный страх:
А ты ль идёшь за мной дорогой зыбкой?
И я взглянул... И тьму узрел в глазах,
И встретился с циничною улыбкой.

Ты, выдыхая сигаретный дым,
Мне бросила: „Ну что же это значит?
Не нравлюсь? А когда был молодым,
То на меня смотрел совсем иначе.

Ужель теперь пришлась не ко двору?
А говорят ещё, что время лечит.
И за любовь я много не беру:
Две драхмы и стакан чего покрепче“.

Уже виднелся выход впереди,
Но злое пламя позади мерцало.
И прошептал я тихо: „Уходи!“ –
И тень любви немедленно пропала.

С тех давних пор прошло немало бед,
Но всё один лишь сон меня тревожит:
Из царства тьмы иду на белый свет,
Дорога длится, кончиться не может...

Письмо Одиссея

Я сижу на камушке у Понта.
Амфора пуста. Конец лечению.
И, конечно, вовсе не для понта
В ней пошлю папирус по течению.

Друг мой, мы с годами не умнеем!
Я уже лет двадцать не был дома.
Сам себе кажусь не Одиссеем –
Бесприютным сапиенсом, хомо.

Обогнули самый хитрый риф мы,
Распознали женские приманки,
А живу я у прикольной нимфы
(Где-то в чём-то – даже нимфоманки).

Если честно, мне поднадоело
Шляться по гетерам с фраерами.
Пенелопа кличет по e-mail'у:
„Можешь возвращаться, но – с дарами“.

Но о ней наслышан я немало
Самой сочной прозой – не стихами:
Выткала, собака, покрывало
И на нём резвится с женихами.

Запустила дом, хозяйство, дачу...
Как-то написал я Пенелопе,
Что про Телемаха все судачат,
Будто запил он и лук мой пропил.

Вопрошал: где воспитанье сына?
Даже не ответила, собака.
Вымахал большой уже детина,
Абсолютно вне семьи и брака.

Давеча знавал одну деваху –
Мужиков в животных превратила,
Я б её сосватал Телемаху,
Красота – и впрямь большая сила.

Как осточертели бабы эти!
Скоро ворочусь я непременно
На Итаку, где жена и дети...
В общем, жди. С приветом от Сирены.

Сократ

Выпьем, Сократ! Не заложим друзей ради „истин“,
Нам ли бояться молвы и бежать от навета?
Если кто словом владеет, кифарой иль кистью,
Будет к тому благосклонна прозрачная Лета.

Выпьем, философ! И времени воды раздвинем,
Что нам советы ксантипп, ксенофонов, платонов?
Чаши свои опрокинем и руки раскинем,
Но не признаем всевластья неправых законов.

Выпьем! Не надо играть, чтобы не заиграться,
Нас погребали не раз и не раз отпевали.
Тяжек изгнания посох, а из эмиграций –
Та, что приводит к Аиду, всех хуже едва ли.

В паре не бродят по Аттике мудрость и сила,
Выпьем, Сократ, и не будем терять ни минуты:
Если на выбор даются Харибда и Сцилла,
Значит, сей выбор решается в пользу цикуты.

Пандора

Наслаждаясь жарким пламенем пожара,
Пожирающего трепетное тело,
Ты прилежно Шэрон Стоун подражала,
Даже в чём-то превзойти её хотела.
За границей откровенья и позора
Обживала тёмной страсти закоулки...

Так, должно быть, любопытная Пандора
Подбиралась к тайнам запертой шкатулки.

Маски сброшены, и сброшена одежда,
И слиянье легче слова, легче взгляда.
Даже зная, что разлука неизбежна,
Остановливаться поздно и не надо.
До поры таятся беды, ревность, ссоры,
Бесполезная, навязчивая жалость...

А на самом дне шкатулки у Пандоры
Позабитая надежда задержалась.

Амур

Прошу любви, как подаяния –
Былая гордость, где ты, где ты?
Давно покинул поле брани я,
И руки к небесам воздеты.
Там, скрытый облачками белыми,
От раздраженья строит рожи
Крылатый мальчуган со стрелами,
Что в нас попасть никак не может...

Подлинная история Пигмалиона

Некий мастер душу мрамора раскрыл,
Он не спал, не ел и не ходил налево,
День и ночь трудился из последних сил –
И прекрасной вышла каменная дева.

Миг триумфа для ваятеля настал:
Этот лик собой затмил живые лица.
Скульптор статую вознёс на пьедестал
И оставил в одиночестве пылиться.

Но однажды гость, прохожий человек,
Дух покоя в этом доме потревожил,
И хоть был он по рождению древний грек,
Только выглядел значительно моложе.

Видно, путнику той ночью не спалось,
Заглянул он ненароком в мастерскую –
Никогда до сей поры не довелось
Видеть женщину красивую такую.

Он по каменным погладил волосам,
Очень нежно тронул мраморные груди
И губами прикипел к её устам,
Сжав в объятьях, как умеют только люди.

Не осталась без ответа эта страсть –
Дело в мраморе, в богах или в моменте,
Но красотка ожила и отдалась
На своём, таком привычном, постаменте.

Дверь открылась. Побелевший, словно мел,
Входит скульптор, шум слышав, весь в тревоге.
Он, любовников узрев, окаменел
И застыл навеки прямо на пороге.

Удивлялся после греческий народ:
Что за странная скульптурная затея?
„И зачем тут этот каменный урод?!“ –
На него кривила губки Галатей.

Прометей

Стервятник! Можешь лопаться от счастья:
Клюй прямо в печень, вот и все дела.
Вам, стервецам, привычно рвать на части
Чужие чувства, души и тела.

Будь я свободен, придушил бы гада,
Жаль, скован по рукам и по ногам.
Так жри! Но поучать меня не надо,
Как людям лгать и как прощать врагам.

На ваше лицемерное ученье
Плюю я с высоты Кавказских гор.
Вы не дождётесь моего прощенья
Ни за мученья, ни за приговор.

Как много вас, чужой печёнкой сытых
И гордых славой не своих побед!
Когда в руках, ожогами покрытых,
Я нёс огонь – вы мне плевали вслед.

Знай: не забыто чёрными ночами –
Кто правил суд, кто цепи мне ковал,
Кто пожимал презрительно плечами,
Кто предавал, кто врал и кто клевал.

А ты, стервятник, о птенцах радея,
Поведай им, рассевшись на суку,
Как аппетитна печень Прометея –
Свежайшая и в собственном соку.

Речное

И вечер не вечен, и ночь не успеет помочь,
Застыну на старом причале в тоске и печали.
Мой транспорт речной отбывает из гавани прочь,
Вот только дожждётся меня – и немедля отчалит.

Ещё из бутылки немало я выпить смогу,
И женщин люблю, и в монахи пока не постригся,
Но сам от себя свой последний обол берегу
В уплату Харону – до правого берега Стикса.

Античные димерики

Вкусом славился Гай Меценат:
Не любил ни салат, ни шпинат,
А павлиний язык
Он солить не привык,
Избегая ненужных затрат.

Некто Публий Овидий Назон
Поливал ранним утром газон,
Воду лил из ушата
И при этом стишата
Умудрялся придумывать он.

С криком: „Истина всё же дороже!“ –
Ксенофонт бил Платона по роже.
Это видя, Сократ
Удивлялся сто крат:
Их любовь платонична, похоже.

У гетеры по имени Анца
Два любовника-преторианца,
Но из них ни один,
Без тарелки сардин
Не исполнит приличного танца.

Марк Протон был босяк и плебей,
Он без мага не мог, хоть убей,
Сам без тоги ходил,
Как последний дебил,
Что возьмёшь с него, если плебей?

Перелётные ангелы

Из Содома

Страх в твоих глазах мерцает немо,
Как очаг покинутого дома.
Полно! – мы бежим не из Эдема,
Мы с тобой уходим из Содома.

Кто, скажи, за это нас осудит,
Кроме с детства разума лишённых?
Вспомни-ка, о чём шептались люди:
Этот город – город обречённых.

Чаша гнева Божьего прольётся
За грехи отцовские и наши,
Всякий, кто в Содоме остаётся,
Отопьёт сполна из этой чаши.

Сгинет всё – дома и синагога,
Старец и младенец, скот и птица...
Пусть нам станет родиной дорога –
Лучше так, чем в пепел превратиться.

Злой Содом пропал за поворотом,
Обретём убежище мы скоро...
...Впереди – высокие ворота,
А на них написано: „Гоморра“.

Меня закружило по свету,
Тебя удержало судьбой.
Не там хорошо, где нас нету,
А там, где я рядом с тобой.

Окончена наша баллада,
И ангел вспорхнул в небеса.
А писем уж лучше не надо –
Нам не о чем больше писать.

Казалось бы, сердце – на части,
Кругом вороньё и враньё,
Но вновь усмехается счастье,
Еврейское счастье моё.

Перелётные ангелы летят на север...

А. Городницкий

От обилия влаги ли,
От предчувствия вьюг
Перелётные ангелы
Улетают на юг.

Серебристая вольница
Над домами парит,
То ль поёт, то ли молится,
То ли учит иврит.

Что грустить понапрасну нам?
Мы помашем вослед:
В этом городе пасмурном
Места ангелам нет.

Переписана набело
Песня долгих разлук.
Перелётные ангелы
Улетают на юг.

Львиный монолог

Разве это мне пристало –
Развлекать кого попало,
Точно бобик, делать стойку
и на тумбе столбенеть?
Пусть я выращен в неволе
И другой не знаю доли,
От такого униженья
так и тянет озвереть.

Жизнь проходит bestолково,
Под глупейшей кличкой „Лёва“.
Укротителю за это
очень стоит пасть порвать.
Но нельзя и неохота:
Дураков везде без счёта,
И любой воображает,
что рождён дрессировать.

Мой ничем не хуже многих,
Столь же мелких и двуногих,
И с хлыстом, и с пистолетом,
но типичный паразит.
Нынче вечером украдкой
Он лизался с акробаткой,
От него теперь духами
омерзительно разит.

Ночью снится мне саванна,
Антилоп галоп чеканный,
Диких буйволов мычанье,
африканская жара...
И гоню я эти грёзы,
Вызывающие слёзы,
Сам себе во сне рычу я,
что бежать давно пора.

Но чего уж тут лукавить –
Трудно мне себя представить
На земле далёких предков,
где могучая река.
И готовят ли объятья
Нам косматые собратья,
Если мы пропахли клеткой
и не знаем языка?

Что же в жизни мне осталось?
Непрерывная усталость,
Преждевременная старость
и обиды горький ком.
Да пугать дремучим взглядом,
Если кто-то слишком рядом,
Да ещё стальные прутья
грызть подпиленным клыком.

Ревут тромбоны на вокзале,
Из кожи лезут трубачи.
Мы обо всём уже сказали,
Теперь о главном помолчим.

И на последнем полустанке,
Когда домой возврата нет,
Гремит „Прощание славянки“
С одним евреем средних лет.

Марш перепонки сокрушает,
Грохочет медью по виску,
Но заглушает, заглушает
И боль, и горечь, и тоску.

Разговор

Должно быть, стареем, дружище?
Должно быть, стареем.
И прожитый день
Не таким уже кажется лишним.
Уже не боишься
Прилюдно назваться евреем
И даже поверить,
Что ты охраняем Всевышним.

До первого залпа?
Допустим. Но дело не в залпах –
Хватало причин и без них,
Чтоб окончились сроки.
Поедем на запад?
Ну что же, поедем на запад,
Раз больше уже
Нас не держит ничто на востоке.

И здесь не родные,
И там мы не будем своими.
Иначе бы жить,
Только мы не умеем иначе.
Блеснёт ли удача? –
Но как нам узнать её имя?
И в этой ли жизни
Дано нам добиться удачи?

Вот смоем с себя
Пыль дорожную, ложь и наветы...
А где это будет?
Без разницы, в Волге ли, в Шпрее...
Ведь нам всё слышнее
Дыхание хладное Леты.
Стареем, дружище?
Стареем, дружище, стареем.

Рикки-Тики-Тави

О друг мой Рикки-Тики-Тави!
Ну кто, скажи, тебя заставил
Вернуться в край, где бой – без правил,
Ложь реставраций?
Здесь даже тот, кто теплокровен,
Пришипился, с ужами вровень,
И, чтоб меж змей не выделяться,
Стал пресмыкаться.

Что толку от твоей отваги,
Когда в стране лютуют Наги,
А что писалось на бумаге –
Быльём покрыто?
Ведь тут иного нет закона,
Чем воля серого питона,
А всё, что грело, – позабыто
Или убито.

Да хоть повесься ты с досады,
Не прекращают злые гады,
На нас испытывая яды,
Считать нас пищей.
Змеиные повсюду нравы,
Хитры, жестоки и лукавы,
И мы покой напрасно ищем
На пепелище.

Бежать, покуда хватит силы,
Тебе придётся, друг мой милый.
Взгляни на отчие могилы,
Родные лики –
И снова в путь, по бездорожью,
Надеясь лишь на помощь Божью,
Оставь свой край, глухой и дикий,
О Рикки-Тики!

Версия

Привыкли не считаться за людей,
И к рабству, и к охранникам, и к плети.
А чтобы не плодился иудей –
Злым крокодилам скармливались дети.

И на похлёбку променяли стыд,
Который был неслыхан и неведом,
Гордась лишь высотой пирамид,
Что строить довелось отцам и дедам.

Знай, по субботам от вина косей,
А в остальные дни – срамно и больно...
Но, наконец, явился Моисей
И посох взял, и возгласил: „Довольно!“

И сорок лет суровый дух его
Водил их по пескам во время оно,
Чтоб вымерли бы все до одного
Те, кто голосовал за фараона.

Странник

На благо ли, на беду,
Но кажется, что в итоге
Я вовсе не сам иду –
Лишь переставляю ноги.
Не так уж и долог путь,
И требуется всего-то:
С обрыва не сигануть
Да не угодить в болото,
Усвоить, что счастья нет,
Свободой не звать химеру
И женщины сладкий бред
В ночи не принять на веру.
Не дано мне коня –
Взамен его трость резная.
А Тот, кто ведёт меня,
Надеюсь, дорогу знает.

Изгнанник

В эти мрачные годы трусливых побед
На краю Ойкумены изгнанье влача,
Я – не голоден, в чистую тогу одет,
За моей головой не пришлют палача.

Не существенно, был или нет виноват,
Дайте срок – и совсем позабудут меня.
А вот я помню всё, даже то, как в сенат
По приказу тирана избрали коня.

Перемены у нас не в чести, хоть убей.
Вечный город напыщен, криклив и жесток.
«Аве цезарь!» – скандирует пьяный плебей,
И опять легионы идут на восток.

Как во все времена, жаждет жертвы война,
Содрогается форум от пафосных слов.
А по мне, так уж лучше в сенат – скакуна,
Чем ревущий табун кровожадных ослов.

Хватит хлеба и зрелищ на годы вперёд,
На соседей соседи наточат ножи.
За державную спесь благодарный народ
Императора славит... покуда он жив.

А помрёт – откопают, возложат вину
И за ложь, и за кровь, и за собственный бред,
И за то, что поэты воспели войну
В эти мрачные годы трусливых побед.

Письмо Моисею

Шалом, шалом, привет тебе, Моше!
Ту землю, что искал, нашёл ты ныне?
Во сне всё чаще плачет о душе
Твой блудный сын, оставшийся в пустыне.

Теперь короче дни, длиннее ночь,
А в остальном – обычная картина:
Здесь мой оазис, здесь жена и дочь,
Волы, ослы и прочая скотина.

Здесь моего шатра немая тень.
Здесь лишних сорок лет живу на свете.
А если нам назначен Судный день,
То так ли важно, где его мы встретим?

Мне говорили, что тебе видней
От прочих всех сокрытое до срока.
В пустыне, как известно, нет камней,
И это очень кстати для пророка.

Но я упал и руки распластал,
И берег свой обрёл, подобно Ною.
Мне повезло: ты для меня не стал
Посредником меж Господом и мною.

Все, кто ушёл – в песках лежат давно,
Убитые смертельным переходом.
А я вот жив... Увы, мне не дано
Перед кончиной быть с моим народом.

*Мой костёр в тумане светит;
Искры гаснут на лету...*

Я. Полонский

Не нам костёр в тумане светит,
Напрасный труд – во тьму кричать.
Нас потому никто не встретит,
Что просто некому встречать.

Дымятся за спиной руины,
Но только снова поутру
Разбудит нас напев старинный,
И искры гаснут на ветру.

Мой возраст

Нашей дружбой мы оба богаты вполне,
И она нас надёжно хранит,
Но не надо про разницу в возрасте – мне,
Кто ровесник седых пирамид.

Кто к песку припадал, по барханам влача
Скудный скарб, с верой дом обрести,
И кого согревала меноры свеча,
Если холод пронзал до кости.

Были злыми наветы и колья остры
У спешивших на каждый погром,
И веками горят инквизиций костры
В несгораемом сердце моём.

Я отнюдь не вчера появился на свет
И признаться могу без затей,
Что я старше тебя на две тысячи лет
И на целое море смертей.

Сколько звёзд в небесах, ты попробуй, сочти,
Сколько в жизни потерь и разлук...
Так что рядом со мной ты – младенец почти,
Мой покрытый сединами друг.

Меня здесь нет.
Я в том разбитом доме,
Где прадед был зарублен при погроме.

В той мерзлоте,
Где стынет много лет
Свинцом в затылок вычеркнутый дед.

В чужом краю,
Где в воздухе змеится
Дахау дым и пепел Аушвица.

А здесь – не я,
А я в мирах иных,
Где не найти свидетелей живых.

Но ангел смерти
Огненным крылом
Там осеняет память о былом.

Амни́стия

Всё совершится в лучшем виде:
отмерят долгожданный срок –
и всем простится. Даже Фриде
не будут подавать платок.

И письма разошлют по ЖЭКом:
о прошлом помянуть нельзя.
А палачи предложат жертвам:
„Возьмёмся за руки, друзья!“

Взовьётся фейерверк ночами,
нас всех поздравят горячо,
и те, что на меня стучали,
мне сообщат: и я прощён.

За что? Ах да, мы ж побратимы
и дурака, и подлеца...
Ну, хоть за то, что нетерпимый,
не толерантный до конца.

Что с негодяем был неистов,
а с трепачом – брезгливым был,
и звал фашистами – фашистов,
чем беспричинно оскорбил.

Не признавал безмозглых правил
(дурной пример, нехорошо!),
и власти подлые не славил,
а хлопнул дверью – и ушёл.

Не возжелал со злом брататься,
не захотел по-волчьи выть.
И радость реабилитанса
не заслужил, но так и быть...

...А на крыльце искрился иней.
И снег похрустывал в горсти.
И я амнистии не принял.
И не прощён. И не простил.

Голоса то, рыдая, смеются,
То, смеясь, переходят на крик.
Вновь дорожные песни поются
О разлуках и встречах чужих.

Не зовут. Не подводят итоги.
Не пытаются взять на испуг.
Только сердцу шепнут про дороги,
Где не будет ни встреч, ни разлук.

За временем любви

Никто не ведал, что нам суждено,
Нас это до поры не волновало,
Казалось, впереди всего полно,
А оказалось – не всего и мало.

И в поздний час, когда с тобой вдвоём
Искали мы в забвении спасенье,
То верили: от страсти не умрём,
А коль умрём, то будет воскресенье.

Такой любви я больше не найду –
Беспамятной, нелепой и крылатой.
Где ты теперь, горишь ли ты в аду,
Как я с досады пожелал когда-то?

А я живу в потерянном раю,
И давит нимб на голову мою...

Мне ворон не накаркивал беду –
То предрассудки, мистика, пустое...
Но кажется, что с места не сойду:
Раз не к тебе – то и ходить не стоит.

Не в силах я тебя приворожить,
А был бы в силах – всё равно не стану.
Теперь я просто перестану жить.
Нет, не умру, а просто перестану...

Фауст – Маргарите

Ах, Гретхен, ни к чему нам философия,
Где правит страсть – дороги нет иной.
Ты даже не встречала Мефистофеля?
Нет, я – не он. А он идёт за мной.

Прекрасные мгновения – утопия,
И оптимизму, детка, не учи.
Ты знаешь, как от чёрной мизантропии
Мрут даже записные хохмачи?

А я – любитель: более ли, менее
Любил валять по жизни дурака
И ждал своё заветное мгновение,
Растягивая встречу на века.

С меня довольно безнадёжья этого,
Я все сомненья изгоняю прочь.
Чёрт – чёртово возьмёт, поэт – поэтово,
А мы с тобой – хотя бы эту ночь.

Потом исчезнет страсти опрометчивость,
Останется лишь память жарких тел.
Могу ли пожалеть твою доверчивость,
Коль душу я свою не пожалел?

Скорее упади ко мне в объятия,
Об этом после будет чудный стих.
Люблю сильнее, чем сорок тысяч братьев, я
(Как позже скажет некий датский псих).

О том, что будет – знаю всё заранее.
Как будто кровь, с небес стекла звезда.
Ещё успею загадать желание,
Да жаль – ему не сбыться никогда.

Не ревную! Значит, не люблю.
Я тебя от сердца отскоблю.

Постепенно выведу следы
Старой боли с запахом беды.

Лжива! Не добра! Не хороша!
...Отчего ж так маятся душа?

Будь я впечатлительней немного,
То затрепетал бы, содрогнулся
От твоих расчётливо морозных,
Ледяных и снегопадных слов.
Только я не мальчик, слава Богу,
Просто я ушёл – не оглянулся:
Охлажденья мне бояться поздно,
Я душой давно к зиме готов.

Звезда любви, звезда порока
К утру погаснет непременно.
Школяр, уставший от урока,
Уверен: скоро перемена.
А мы опять в одной обойме,
В одной небьющейся посуде.
Но как же холодно с тобой мне!
И ведь теплей уже не будет...

Я молчания не нарушу –
За меня всё прошепчет ветер
Под смывающей пятна фальши
Чуть косящей струёй дождя,
Еле слышно продует в душу,
Что пора уж распутать сети,
Что нельзя нам ни так, как раньше,
Ни по-новому нам нельзя.
Что любовь наша стала мукой,
Все сомненья плеснув наружу,
Все надежды топя в запрете,
Смяв сиреневые мечты.
Я тебе не скажу ни звука,
Я молчания не нарушу –
За меня всё прошепчет ветер...
...Но его не услышишь ты.

Леночке, с любовью

Ты замёрзла, милая, ты устала:
И деревья голы, и люди гадки,
Я таких решением трибунала
Всех перестрелять готов... из рогатки.

А во сне, конечно, цветы да звери,
За ночь по три раза меняет шкуру
Хворая змея над аптечной дверью,
Что из чаши дует свою микстуру.

Мне бы красотою твоей упиться
И оберегать тебя до рассвета...
А известный бард нам велел крепиться –
Ты крепись, любимая: скоро лето.

Баллада о выборе

Король раздражается бранью отборной:
Поведали верные лица,
Что дочка-принцесса и юный придворный
Посмели друг в друга влюбиться.
На замок смертельный обрушился страх:
Любовник под стражей, принцесса в слезах,
Блестят алебарды сурово,
Все ждут королевского слова.

И старый король прохрипел: „Так и быть,
На плаху главу не положим.
Вы вздумали шутки со мною шутить –
Я тоже шутить расположен.
В тебе, рыцарь, я храбреца узнаю,
Поэтому шанс на спасенье даю.
Вот видишь две двери, закрыты? –
В одну из них должен войти ты.

И если судьба тебя нынче спасёт,
Жить в мире и счастье ты будешь.
За дверью одной тебя девушка ждёт,
Ты с ней о принцессе забудешь.
За дверью другой, чтоб смешней подшутить,
Я лютого тигра велел посадить.
Закончится всё до рассвета,
А дочь пусть посмотрит на это“.

Не знаю уж как – не пойму, хоть убей, –
Хотя было времени мало,
Отцовскую тайну закрытых дверей
Принцесса внезапно узнала.

Известно ей всё: где красotka, где зверь.
Кивает принцесса на левую дверь.
Но рыцарь недвижим, однако,
Как будто не видит он знака.

Любовь – испытанье. Средь стольких потерь
В ней всяк при своём интересе.
Принцесса кивает на левую дверь,
Но можно ли верить принцессе?
Задумала, может, принцесса с тоской:
Пусть лучше умрёт он, чем будет с другой.
А может, напротив, решила:
Уж лучше с другой, чем могила.

Стоит он в раздумье, а выбор жесток,
И в нём он совсем не уверен.
...Не знаю, что дальше: здесь вырван листок.
Конец этой сказки утерян.
Зачем же мне вспомнилось это теперь?
Влюблённый страдалец... Закрытая дверь...
А может, опять повторится
Та сцена – но новые лица?

Я вижу себя. Предо мною стена.
Две двери. И дело – к развязке.
И женщина есть. И похожа она
На эту принцессу из сказки.
На что же решиться? Попробуй, проверь...
И снова конец неизвестен.
...Принцесса всё так же кивает на дверь –
Но можно ли верить принцессе?

Баллада о повинной руке

Славься, любовь, мать надежд и потерь,
В чьей власти тела и души!
А леди Джоанна открыла дверь,
Супружеский долг нарушив.
Дубовая дверь так крепка на вид,
Но лишь скрипела уныло.
А леди Джоанна забыла стыд,
Чужого мужчину пустила.

Но можно ли, все приличья поправ,
Над мужней честью глумиться?
Измены тебе не простит старый граф,
Предстань пред судом, блудница!
Жалость совсем не уместна тут,
В защиту кто скажет слово?
За прелюбодейство публичный суд
Карает всегда сурово.

Палач, поострее топор готовь,
Зов милосердья не слушай.
Силён ты, да только сильнее любовь,
В чьей власти тела и души!
Леди стояла одна против всех,
Готова на смерть и муки,
И вспоминала любимого смех,
И губы его, и руки...

Суровые судьи закончили спор,
И взвыла труба из меди,
И перед толпой оглашён приговор,
Дарующий жизнь миледи.

Пускай голова не падёт пока,
Но дама про честь забыла,
Повинна преступная та рука,
Что дверь чужаку открыла.

И повелел беспристрастный суд,
Веско и непреклонно:
Так пусть же руку ей отсекут –
Ту самую, что виновна!
А председатель суда – не зверь,
Не в радость ему расправа:
– Какой же рукой ты открыла дверь –
Левою или правой?

И люди совсем не черствы, не тупы,
И лица вокруг – не рыла,
Советы доносятся из толпы:
„Скажи, что левой открыла!“
Миледи в груди подавила плач
И выглядит королевой.
И даже старый седой палач
Шепнул: „Отвечай, что левой!“

– Что же, отвечу Вам, Ваша честь:
Чужого я полюбила,
Да, в обвинении правда есть –
Его ночью в дом впустила.
И, как на духу, говорю теперь:
Любовь не удержишь замками.
А что до руки – открывала дверь
Обеими я руками!

Баллада о красной розе

Король из западных земель
Угрюм был и жесток.
И не мягка ему постель,
И не пьянил крепчайший эль
С тех пор, как одинок.

Его супруга отошла
До срока в мир иной,
Ему двух принцев родила
И дочь, что королю была
Отрадою одной.

Как будто сон, прошли года,
Всё холодней ветра,
Прощаться скоро навсегда,
И чужаку он скажет: «Да»,
Ведь замуж ей пора.

О, как прекрасна и юна
Была принцесса та!
Кого же выберет она,
С кем поцелуется в уста
Пред Богом как жена?

И тут уж места нет тоске,
В груди её пожар,
Волна мечты под стать реке,
И роза красная в руке –
Счастливцу дивный дар.

Пред нею десять женихов:
Кто не скрывал седин,
Кто молод, кто на вид суров,
Кто улыбаться ей готов,
Но в маске – лишь один.

Как любопытна молодёжь!
Резвился в сердце бес –
Хоть некрасив он, хоть хорош,
А замуж за того пойдёшь,
Кто вызвал интерес!

О, как прекрасна и юна
Принцесса та была!
Загадкою поглощена,
Тому, под маскою, она
Цветок свой отдала.

В руке до крови розу сжал
Тот, кто скрывал свой лик.
От счастья кто бы убежал?
И маска, что к лицу прижал,
Упала в этот миг.

Кого же видит люд и двор?
У тестя взор потух:
Не князь, не граф и не сеньор –
Пробрался хитростью, как вор,
В дворцовый сад... пастух!

Улёгся свадьбы шум и дым,
Где всем найдётся роль.
И тьмой от глаз чужих храним,
В опочивальню к молодым
Проник старик-король.

Обиды груз нести нет сил,
Уже он изнемог,
Хоть дочку сам благословил,
Но зятю спящему вонзил
С размаху в грудь клинок!

Оделся в траур весь дворец,
И люди говорят,
Что дочкой не прощён отец,
Печален был её конец,
Смертелен горький яд...

Напрасно смерть король зовёт,
Измученный виной.
Он только видит каждый год,
Как роза красная цветёт
На кладбище весной.

Баллада о честной Нелли

Ни нынче, ни в давнюю старину
Не было краше Нелли.
Она говорила: «Не обману!» –
И верить ей все хотели.

И я был тоже из их числа,
От чар любовных пьянея,
Когда она меня позвала,
То сразу пошёл за нею.

Из отчего дома ушёл я прочь,
Покинул ради постели,
Что расстилала каждую ночь
Моя дорогая Нелли.

И я оставил старую мать,
Родные поля и реки,
Чтоб в губы нежные целовать
Единственную навеки.

Когда же король призвал на войну,
Веры и славы ради,
Нелли сказала: «Не обману!»
И плакала, вслед мне глядя.

Огнём и мечом брали мы города,
Воспели нас менестрели.
В ночи палестинской лучилась звезда
Взором любимой Нелли.

Но вот и вернуться настал черёд
Туда, где ждала награда:
Зелёный лес, и наш тайный грот,
И женщина, что мне рада.

Заново все места узнаю:
Пригорки, ручьи, лощины...
И вдруг я вижу Нелли мою
В объятьях чужого мужчины!

Ту, кого честней не найдёшь,
Хоть обойди полсвета.
Её он спросил: «А завтра придёшь?» –
«Приду!» – был ответ на это.

Хоть Бога на помощь, хоть сатану
Зови – слово ветром сдуло.
Она говорила: «Не обману!» –
Но всё ж его обманула.

Качалась дубами лесная мгла,
И филин беду пророчил.
Напрасно он ждал – она не пришла
Ни в ту, ни в другие ночи.

И день за днём, спотыкаясь, шёл,
И многие, как умели,
Искали её – но никто не нашёл
Моей ненаглядной Нелли.

А память по крепости – не гранит,
И Нелли ждать перестали.
А тайну мою надёжно хранит
Меч сарацинской стали.

Больше вовеки не целовать
Мне губы подруги милой.
Меч мой не только мог убивать,
Мог он и рыть могилы.

Елене

Давай-ка лучше без затей,
Без разрушительных страстей,
Без этих сказок для детей
Про „навсегда“, „по гроб...“.
Нам „навсегда“ – не потянуть,
Когда судьба упёрлась в грудь,
А гроб лишь стоит помянуть –
К нему уже топ-топ...

Закрыта в будущее дверь,
Живи сегодня и теперь,
В простое самое поверь:
Что я не подведу.
Что город накрепко уснул,
Что мой пиджак упал на стул,
И демон полночи задул
Последнюю звезду...

История одного ожога

Не верь, что бывает любовь на века,
От детской мечты отрекись.
Зачем же дрожит в нетерпенье рука,
И лодочкой сложена кисть?

В ладони её удержать никогда
Нельзя на загаданный срок.
И дело не в том, что любовь, как вода,
А в том, что она – кипяток.

Фонари

Холодно у нас по январям,
От позёмки некуда укрыться,
И летят погреться к фонарям
Быстро коченеющие птицы.
И меня вот вьюга занесла
Вновь в твои объятия через годы.
Но не дарят фонари тепла
И совсем не делают погоды.

Птичьё

Сама разжала ты ладони,
И я лечу в такую высь,
Где неприличен шум погони
И бесполезен крик: „Вернись!“

Словам не верю и не внемлю,
Свершая в небе виражи.
А чтоб вернуть меня на землю –
Ружьё у мужа одолжи.

Пока мы не озлобились вдвоём
И не расстались явными врагами,
Давай по винной речке поплывём
С коктейльными крутыми берегами.

Побудем хоть часок навеселе
И растворимся, как в бокале – льдинки,
Оставим все окурки на столе
И пепел цвета пепельной блондинки.

Пускай накатит хмель со всех сторон,
И мы уже пьяны наполовину,
Но можно ухватиться за лимон
И вилкой зацепиться за маслину.

И вот тогда, почти наедине,
Когда сосед в салат макает рыло,
Ты, наконец, признаться сможешь мне,
За что так безнадежно разлюбила.

Под градусом я всё готов понять,
И ты себя сомненьями не мучай,
А если предложу тебе кровать –
То это спяну... так... на всякий случай...

В ушах коньячный слышится прибой,
И лодка накренилась под ногами,
Но я упрямо пью за нас с тобой –
Чтоб завтра нам не встретиться врагами.

Что можем мы с тобой сказать друг другу,
Опрichь безликих слов: „прощай“, „прости“?
Я слишком долго не снимал кольчугу –
Она успела к телу прирасти.

А вот на женщин не умел молиться,
Не отбивал поклоны их красе,
И если ночью вспоминаю лица,
То далеко не сразу и не все.

Но, впрочем, и они давно уснули
И в сновиденьях видят не меня,
А мой булатный меч висит на стуле,
Что тут пасётся на манер коня.

И по привычке тянется рука,
Взамен щита, к бутылке коньяка...

Сонет непониманья

О нет, ты не дождёшься пониманья,
Не для того же я спускался в ад,
Чтобы гадать с покорностью бараньей,
В чём вновь перед тобою виноват.

Когда глаза откроешь среди ночи,
То, может, ощутишь в какой-то миг,
Что оказалась эта жизнь короче,
Чем перечень провинностей моих,

Что больше я с тобой ничем не связан,
Что можно ничего не обещать,
Что я уже нисколько не обязан
Ни забывать, ни верить, ни прощать,

И что теперь нелепо упованье
На прошлую любовь и пониманье.

Моя любовь похожа на вокзал:
Встреч суета – и проводы кого-то,
И даже если что не досказал,
Уже пропал состав за поворотом.

Моя любовь похожа на цветок –
Гибрид нелепый розы и сирени,
Колючий, чтоб сломать никто не смог,
И нежный, словно губ прикосновенье.

И водопаду горному сродни,
Грозящему пловцам большой бедою:
Ревмя ревёт, как прожитые дни,
В итоге пенной становясь водою.

Но главное скажу тебе, скорбя:
Моя любовь теперь не для тебя.

И эту ночь я встречу, не любя –
Как видно, срок пришёл остепениться.
Из нашей книги вырвана страница,
В которой про любовь и про тебя.

А сказка – ложь: не прилетит Жар-птица,
Хорош наш климат лишь для воробья,
Что тайнами не мучим бытия
И пёрышек невзрачных не стыдится.

Коль своего кола нет и двора,
Чирикать неуместно: „Мне пора!“
Хоть хочется порою просто очень.

Резона нет лететь отсюда прочь,
Он переждёт под крышей эту ночь,
Как и другие пасмурные ночи.

После бури

В моём стакане утихла буря,
Осталась пена.
Зачем по новой? Довольно дури,
Всё обалденно!

Нет, в самом деле, прикольно было
Решить проблему.
Кина не будет, твоё „любила“ –
Уже не в тему.

Любви не будет. Сожмём ладони.
Жалеть не станем.
Не беспокойся: мы не утонем
В одном стакане.

Ты доказала, что ты крутая?
И я не слякоть!
...На дне стакана весь лёд растаял.
Не надо плакать.

Какие слёзы, ведь всё в ажуре,
Всё обалденно?
В моём стакане утихла буря.
Осталась пена...

Теряльщик

Что в лоб, что по лбу – одинаково,
Ну сколько можно повторять:
Потери устрашат не всякого –
Лишь не умеющих терять.
А я – теряльщик из отъявленных,
Грозить такому смысла нет,
Зачем же снова мне заявлено,
Что ты уедешь – и привет?
Прибьёшься, мол, к другому дому там...
Тебе отвечу, не юля:
Не напугаешь шуку омутом
И синим небом – журавля.
Кроты давно привыкли к тёмному,
Не тает снеговик зимой,
Потерей дома мне, бездомному,
Не угрожают, ангел мой.
Но если гневу вдруг поверю я,
Тебя отчаянно любя,
И осознаю, что потеряю
Большой не буду для тебя –
Тогда в разлуке я за главного,
Уйду в заоблачную даль:
Теряльщика такого явного
Нисколько потерять не жаль.

Не верю!

Не верю, не верю! Нашла дурачка!
Я нынче другой: я сорвался с крючка,
Когда про меня ты решила со вздохом:
Напрасно ловила – похоже, что сдох он,
Какие мы нежные, Боже ты мой,
Но хватит рыбалки, пора и домой.

И в этот момент расхотелось мне в вечность,
Тогда, всем нутром о железо калечась,
Я сплюнул, последнюю трата слюну,
Махнул плавником и ушёл в глубину.
...Наживкой – твоё запоздалое «жалко».
Не верю! Не женское дело – рыбалка...

У ветра не выпытывай: «Куда?» –
Он просто дует, этого довольно,
А больше ни за что не отвечает
И никому не станет отвечать.
Не спрашивай у женщины: «Зачем?»
И «Почему?» – она того не знает,
А если даже знает – не ответит,
А если и ответит – то соврёт...

Барышня

Кавалер с моноклем и в пижаме
За своим бюро рассвет встречает:
Он всю ночь писал прекрасной даме,
Но она ему не отвечает.

Офицер, что хаживал в атаку,
Письменно жестокость обличает
Той же самой барышни, однако
И ему никто не отвечает.

Грамотный купец с пером гусиным
Пренебрёг и коньяком, и чаем,
Выглядел в письме совсем кретином
И при этом был не отвечаем.

Молодой поэт, способный вроде,
В рифму, как положено поэту,
Барышне излил все чувства в оде,
Но и он остался без ответа.

Всё вокруг неё любовью дышит,
Где-то наверху Амур витает...
Почему же барышня не пишет?
Потому что барышня читает.

Abiens abi

Небо завешено сеткой дождя,
Лужицы строят дурацкие рожи.
Сколько твердил: уходи – уходя,
Просто иначе уйти ты не сможешь.

Будешь стоять от любви далеко,
Тупо раскладывать даты и числа.
Раньше умел расставаться легко,
Только с годами совсем разучился.

Ты разучился не верить слезам –
Видимо, смолоду плохо учили,
Хоть разорён в твоём сердце Сезам,
Хоть и сокровища все растащили.

Время нельзя поворачивать вспять,
Даже не надо к нему прикасаться.
Так ли уж важно, с кем будешь ты спать?
Много важней, с кем хотел просыпаться.

Ты опоздал и пощады не жди.
Вот лабиринт, что придумали греки.
Знаешь ведь сам: уходя – уходи
Или рискуешь остаться навеки.

Рыбка

Меняешь тень побед на звон монет,
Но если мир твой изнутри разрушен,
Бессмысленно надеяться, мой свет,
Что ты построишь новый мир снаружи.

С годами всё туманнее пейзаж
И всё дороже право на ошибку,
И никому не нужен опыт наш
Ловить на суше золотую рыбку.

Пускай плывёт за синие моря
И там расскажет скатам и дельфинам,
Как письма замечательно горят,
Особенно – когда полить бензином.

И, тратя на рассказ весь рыбий пыл,
Под всплески плавников и скрипы вёсел,
Воскликнет: „Да, он так её любил,
Что от любви, наверное, и бросил!“

Заскрипело времени колесо –
Вот и всё, любимая, вот и всё.

Нам разлук не выпало на „пока“ –
На века, любимая, на века.

Уж, казалось, пройдены все пути,
Только в рай потерянный – не войти.

Или есть тропиночка и для нас?
Дай-то Бог, любимая. Но не даст...

Романс

Ой ты, память моя смоляная,
Помоги мне сгореть без следа,
О крамольной любви вспоминая,
Но любовь не имеет стыда.

Обо всём вспоминается разом –
Море, звёзды и губы твои...
Никого не удерживал разум,
Ибо разума нет у любви.

Так легко по судьбе пробежалась –
И исчезла, как тень меж камней.
Кто любви растолкует про жалость?
Это слово неведомо ей.

Я теперь от неё отгорожен –
Бесполезно, зови не зови –
Частоколом границ и таможен,
Только родины нет у любви.

Кто оставлен – тому остаётся
Пить и пьяные письма писать.
Но из бездны никто не спасётся:
Ведь любовь не умеет спасать.

Заклинание

Корни живые
Пообрубая,
Чашу забвенья
Выпью до дна.
Будет иная,
Будет любая,
Будет другая,
Но не она.

Словно у горла
Бритва стальная,
Косо нависла
С неба луна.
Будет любая,
Будет иная,
Будет другая,
Но не она.

Так и заснул бы
Здесь на века я,
Только узнать бы,
Встав ото сна:
Будет иная,
Будет другая,
Тоже чужая,
Но не она.

Иоканаан – Саломее

Пусть за этот миг сгорю в аду я,
Пусть утопит времени река...
Ты танцуешь, словно бы колдуя,
Юная плясунья, дочь греха.

Выжить – никакой уже надежды,
Коль тебе дано меня судить.
Вот с себя ты сбросила одежды,
Чтобы танцем похоть возбудить.

На мужчин глядишь ты слишком смело:
Нынче все – твои, а я – ничей.
И трепещет молодое тело
В отблесках оплавленных свечей.

Зал дрожит от криков и оваций –
Хороша, чертовка, хороша!
Вот и довелось мне упиваться
Тем, как воспарит моя душа.

И плевать, что после скажут люди,
И пустяк, что танец на крови.
Сам тебе главу свою на блюде
Принести готов я в знак любви.

Жизнь, как Ирод, зла, и нравы грубы.
Ты споткнёшься в танце, на бегу...
...А лобзать меня ты будешь в губы,
Только я ответить не смогу.

Гоморра

Когда я в ночную гляжу пустоту,
Вдруг тени мелькнут из угла,
И вновь вспоминаю я женщину ту,
Что в нашей Гоморре жила.

Она иссушала меня, как суккуб,
И я задышался не раз
В плену её красных от жадности губ
И жёлтых от похоти глаз.

Но верность была ей чужда и смешна,
При трепете тонкой свечи
Гоморрских мужей принимала она
В горячей гоморрской ночи.

И кто-то был нежен, и кто-то был груб,
А кто-то монетку припас
За блеск её красных от жадности губ
И жёлтых от похоти глаз.

И кто-то был сед, кто-то юн – ну так что ж,
Терпеть больше не было сил,
И я вынимал свой наточенный нож,
И ревность я кровью гасил.

Потом горожане, убийцу кляня,
От пастбищ Гоморры и нив
Камнями и палками гнали меня,
Изгнанием казнь заменив.

Она ж усмехалась, я был ей не люб,
И тыкала, как напоказ,
В меня краснотой напомаженных губ
И жёлтую похотью глаз.

Да будет ей месть беспощадна и зла,
И в этом поможет мне Бог!
Я в жертву ягнёнка принёс и козла,
Моля, чтоб Всесильный помог.

Жестокой насмешки я ей не прощу,
Пусть тонет в горячих слезах,
И красным от страсти губам отомщу,
И похоти в жёлтых глазах.

И был я услышан! Гром грянул с небес,
И сера, и пламя, и дым...
И город Гоморра в минуту исчез,
И женщина та вместе с ним.

Она испытала ли чувство вины? –
Не видно от гари и мглы.
Но были глаза, словно угли, черны
И губы от пепла белы.

Увы, слишком поздно я понял тогда,
По выжженным плитам скользя:
К тому, кто стирает с земли города,
Взывать о возмездье нельзя.

Не очерчивай контур мелом,
Не разбалтывай сны знакомым,
Если стану небесным телом,
Неприметным и невесомым.

Всё, что в памяти ты хранила,
Растворится, как сахар в чае.
Буду слышать твоё „любил“,
Только верить не обещаю.

Нам обратного нету хода,
Ты напрасно переживала:
Раз важней для тебя свобода –
Всё исполнится, как желала.

Больше нет ни страстей, ни фальши,
Ни раскаянья между делом.
И не спрашивай: „Что же дальше?“
Если стану небесным телом.

Песенка

Напрасно дверь так плотно
Прикрыла ты, мой свет:
Я человек залётный,
В окошко – и привет.

Над домом и над садом
Взлечу, как рассветёт.
Не надо, ах, не надо
Меня, как птицу, влёт.

Таким не нужно в стаю,
Таким не вить гнезда.
Прощай, я улетаю
Отсюда навсегда.

Надену плащ походный
И шляпу набекрень.
Я человек залётный,
Я здесь всего на день.

А почему не на два? –
Зачем тянуть, мой свет,
Не надо, ах, не надо!
В окошко – и привет.

Прости, я улетаю,
И помни обо мне,
Покуда не растаю
В прозрачной вышине.

Отпускаю

Отпускаю. Никому обузой не был
И на жертвы никого не обрекаю.
Ты уходишь, как звезда уходит в небо.
Ты не веришь? Я и вправду отпускаю.

Отпускаю. Ведь в любви хватает пауз.
Ну, а наша – разве длинная такая?
Ты уходишь, как уходит в море парус.
Ты не веришь? Я и вправду отпускаю.

Отпускаю. Мы не вечны, слава Богу.
Слишком долго строил крепость из песка я.
Ты уходишь, как уходит вдаль дорога.
Ты не веришь? Я и вправду отпускаю.

Отпускаю. Неподвижны только камни,
Что в Египте наши пращурсы таскали.
Ты уходишь, но по-прежнему близка мне.
Ты не веришь? Я и вправду отпускаю.

Ты уходишь, как звезда уходит в небо...
Ты уходишь, как уходит в море парус...
Ты уходишь, как уходит вдаль дорога...
Ты уходишь...

Потеря

Про любовь ты так и не сказала,
Убирая в сумку старый «Кодак»...
Я искал тебя на двух вокзалах,
Даже заглянул в бюро находок.

Люди провожали и встречали,
Музыкант жевал мундштук фагота,
Дюжие носильщики кричали
Громкое и пьяненькое что-то.

Инвалид торчал у перехода,
Хлопали разболтанные двери...
Я искал тебя в бюро находок
И ещё не знал, что ты – потеря.

В сомнениях царевна Несмеяна:
Выть, вроде, поздно, веселиться – рано.
А кто умел смешить – ушёл далече,
Туда, где все свои и время лечит,
Где можно жить по сердцу и уму...
Поплачь, моя царевна, по нему.

Кленовый блюз

Какое лето! – холодно до дрожи,
И ветер даже к полночи не стих.
Кому-то доживать ещё, быть может,
Непрожитую жизнь за нас двоих.

Любили мы на зависть всем влюблённым,
А нынче наступил суровый срок
Предстать перед тобой нелепым клёном
Без веток, чтоб обнять тебя не смог.

Всего глотком замедленной отравы,
Казалось, ты была в моей судьбе,
Ушла – и разводили сырость травы,
И долго сохли листья по тебе.

Стотысячная ночь идёт на убыль –
Как говорила ты, под хвост коту...
А губы по привычке ищут губы,
Но бьются в темноте о пустоту.

Вокзальное

Он и она прощались на вокзале,
Обдав презреньем дураков и дур,
Стоящих рядом, коим показали,
Что значит настоящая лямур.

Как девица-краса во время оно,
Из тех, что заслонят от стрел мужей,
Она глядела нежно и влюблённо
И прямо чуть не плакала уже.

А он, кляня досадную разлуку,
Был в галстук зелёном, в цвет плаща,
И пожимал её худую руку,
И взглядами вернуться обещал.

Могла быть долгой эта пантомима,
Однако пассажиры – се ля ви –
Вперёд рванули, пробегая мимо
Чудесной, показательной любви.

Жизнь продолжалась по своим законам,
Хотя не всякий постижим закон.
Все загрузились, и герой в зелёном
Успел в последний заскочить вагон.

Вокзал был озарён реклам свеченьем,
И перестук колёс сулил покой.
А женщина махнула вслед рукой,
После чего вздохнула. С облегченьем.

Вот будь я котёнком...

Вот будь я котёнком, тебе о любви бы мурлыкал,
Свернувшись калачиком рядом с твоею рукой,
В молочное блюдце усатую мордочку тыкал
И радовал всех, что пушистый и мягкий такой.

А будь я щенком, то встречал бы залиvistым лаем,
Домашние туфли тебе приносил бы в зубах,
И мячик гонял бы, хвостом от усердья виляя,
И грозно рычал, посторонним мужчинам на страх.

Будь я попугаем, всё мог за тобой повторять я,
Тревожа вечерний покой бодрым хлопаньем крыл,
И лапкой сквозь прутья тебя теребил бы за платье...

А будь я удавом, давно бы тебя удавил.

И эти нотки в тоне так привычны...
Мы что-то стали слишком ироничны –
Соткали щит из легковесных фраз
И говорим совсем как посторонние,
И устаём от собственной иронии,
Давно уставшей уставать от нас...

За временем любви

Сегодня, нас двоих заранее оплавав,
Ты мне не ближе, чем ближайшая звезда.
За временем любви приходит время страхов:
А если что не так, а если ты – не та...

Когда передо мной ты двери открыла,
Когда мне на ладонь легла твоя рука,
Когда в последний час ты мне себя дарила,
Ты верила ль сама, что это – на века?

Отмерена была коротенькая повесть,
Ведь даже не роман – казалось, не беда.
Я пропустил тебя, как пропускают поезд,
Хотя отменены другие поезда.

Ночная темнота упала мне на плечи,
И за моей спиной разверзлась пустота.
За временем любви не грянет время встречи,
За временем любви не будет ни черта.

Не про любовь

Про любовь мы не ведем разговор:
Я от этого словечка отвык.
Помню, ты мне предлагала на спор
Убедиться: одному – невпротык.

А зимою я опять поседел –
Вот такие ледяные дела.
Видно, Тот, кто на раздаче сидел,
Мне отсыпал слишком мало тепла.

Не удастся вознестись над судьбой –
Тяжеленько и в миру, и в дому.
Только спорил я совсем не с тобой
И проспорил не тебе, а Ему.

Письмо туда

Ничего, что я пишу
Наудачу –
Ни о чём не попрошу,
Посудачу.

Прочитаешь, не браня –
И спасибо.
Как живётся без меня,
Meine Liebe?

Что узнала о судьбе?
Не укрыться?
С кем скучается тебе,
С кем не спится?

А на что свой вечный страх
Примеряешь?
А кого во всех грехах
Обвиняешь?

Или есть один, вдвойне
Виноватый?
Вспоминаешь обо мне
Хоть когда-то?

Не накликивай беду,
Сделай милость –
Мне удача на уду
Не ловилась.

Дом – другой, страна – не та,
Но не боле.
Я не нажил ни черта,
Кроме боли.

И в немецкой стороне
В песне спетой
Не помянут обо мне
Марта с Гретой.

Что тут ждать от сентября –
Неизвестно.
Мне непросто без тебя,
Если честно.

Нас никто за сотню лет
Не рассудит.
А назад дороги нет
И не будет.

Вот опять тебе пишу
Наудачу,
Нежных слов не попрошу,
Не растрочу.

Вспоминаешь, не браня –
Так спасибо.
И не плачь там без меня,
Meine Liebe.

Играй, факир!

Ни марша нам не надобно, ни вальса,
И раздражает самый робкий звук.
Факир был пьян, и фокус не удался,
Не помогла факиру ловкость рук.

Я расскажу – ты только сядь поближе –
Про то, как сильно я тобой болел,
И даже сам не знаю, как я выжил,
Каким случайным чудом уцелел.

Пускай факир наигрывает в шутку,
Но для змеи таких понятий нет;
Она не хочет танцевать под дудку,
А у него на яд иммунитет.

Я расскажу – ты только сядь подальше –
Про то, как пережил я этот год.
Из рук твоих я принял столько фальши,
Что никакая правда не убьёт.

Тот волосок таинственный порвался,
Которым я привязан был к тебе.
Играй, факир, раз фокус не удался,
Да что на дудке? – Сразу на трубе...

Последний день

И будет день, и шар над головой,
И будет пицца – уж какая будет,
И поспешат на подвиг трудовой
Политики, менты и просто люди.

Тогда ты платье яркое надень –
То самое, в котором целовали,
Поскольку это наш последний день,
Он в ночь любви перерастёт едва ли.

На смену всем фривольностям из книг
Пришли совсем иные прегрешенья.
Я далеко не всё прощать привык,
Да и не станешь ты просить прощенья.

А завтра тихо растворюсь в толпе я.
Последний день. Последний день Помпеи...

Первая женщина

Бушует ветер в беспричинном гневе,
Как будто у него душа болит.
...Вы думали, что речь пойдёт о Еве?
Но самой первой всё ж была Лилит!

Кто красотой мог сравниться с нею?
(А красоты неоспорима власть).
Взирали звёзды на неё, краснея,
Своей унылой тусклости стыдясь.

Адама эта женщина любила,
Как любят в жизни разве только раз,
И самой жаркой страстью одарила,
Ошеломив ночным сияньем глаз.

Она была на молнию похожа –
Стремительна, чарующе горда.
Она была блистательна – и всё же
Адам её покинул навсегда.

Ушёл он к Еве, протенькой отчасти,
Спокойной, нежной, как прощальный вздох,
К той, что испепелить не в силах страстью,
Но печь умела яблочный пирог.

Он завещал потомкам ошибаться,
Поняв, что идеал – недостижим.
...Нам вечно суждено в Лилит влюбляться,
Однако в жёны Еву взять спешим.

В карете прошлого

Мы будем пить за тех, явленье коих
В пределы наших юношеских коек
Нам тонус поднимало и настрой.
О, где вы нынче – Светы, Риты, Наты?..
Хотя мы все давно уже женаты,
Вас вспоминаем с тайной теплотой.

Эй, кто подаст нам в прошлое карету? –
Проведать эту... или даже эту...
Ханжи заноят: „Бес в ребро! Каприз!“,
Но тянет с прежней силою влюбиться,
И пусть карета в тыкву превратится,
А кучер – в крысу. Я плевал на крыс!

Вдохнуть бы снова дух манящих комнат,
Где нас уже едва ли кто-то помнит:
Таких, как мы, дружков велик запас
У девочек, что на глазах умнели
И взять от жизни многое умели,
И нас совсем не ждут. А ждут – не нас.

Но это вздор! – Они нам будут рады,
И кто-то обретёт любви награды,
Да кто решил, что нам – не по годам?!
Так выпьем, старина, по сто на брата
За женщин, что любили мы когда-то.
И – стоя. Потому что пьём за дам.

Ностальгический шансон

Уже исколесил почти полмира я,
Лишь по тебе до боли ностальгируя,
А сердце, чтоб не вырвалось, – в кулак.
Ты, помню, шла, чужая и печальная,
А я вдруг удивил тебя нечаянно,
Когда позвал в театр, а не в кабак.

А после я в твой дом ночами хаживал,
И в страсти мы вдвоём сгорали заживо,
И до утра кружилась голова.
Не знали мы ни страха, ни отчаянья,
Целуя, ты давала обещания,
Я брал на веру женские слова.

И не держала ты меня за лишнего,
За это я благодарил Всевышнего,
Но чувство не слепило нас уже.
И ты металась, мучаясь и мучая,
И даже не представила мне случая
Попасть в твою коллекцию мужей.

Я начал подражать тебе по лености,
Смеясь над разговорами о верности,
Менял подружек, мщенье затая.
Цыганки мне везение пророчили,
А рядом подрастали наши дочери,
Не общие: у каждого – своя.

Замкнулись годы серебристым ключиком,
И ты живёшь с очередным попутчиком,
И я живу... уж с той, какая есть.
Зима внушает колкими метелями:
Любовь не измеряется постелями.
А чем же измеряется? Бог весть...

Субботний романс

Чай остыл, и взгляды – мимо,
Что ни слово – то не в масть.
И любовь бывает мнимой,
И обманывает страсть.

Ведьма или ангел белый,
Но позволь тебя обнять,
Ты со мной что хочешь делай,
Только, чур, не прогонять.

Задыхаюсь от прощаний,
И ещё одно – невмочь.
Не дари мне обещаний,
Подари мне эту ночь.

Ночь субботнюю, больную,
Из тревог и темноты,
И клянусь, что не усну я,
Если рядом будешь ты.

Коли это наважденье,
И сегодня я умру –
Завтра будет воскресенье,
Чтоб воскреснуть поутру,

Пережить и эту зиму,
Перемочь и эту страсть.
И слова, и взгляды – мимо,
Что ни встреча – то не в масть...

Ночь рождения

Романс

Луны залётный луч скользил по нашим лицам,
И падал на ковёр, и крался на кровать,
И был подобен он лишь детям или птицам,
Которые пока не научились врать.

А мы с тобой грешны, мы знали, что хотели,
Мелодия в ночи на наш явилась зов,
Но выучить слова мы так и не успели,
Поскольку было всё понятно и без слов.

И ворвалась к нам страсть, и не было печали,
Лишь только влага губ на мраморе плеча,
Нас музыка звала, но сами мы молчали:
Когда поёт Любовь, влюблённые молчат.

Как жаль, что рассвело, короткий век у глянца.
Две блёстки на полу и пустота в руке...
Заканчивалась ночь рождения романса,
Известного двоим, не спетого никем.

Шутки ночи

Романс

А мне сегодня всё равно –
Как на духу, могу признать я –
С кем буду пить вдвоем вино
И чьи перетерплю объятья.

Не стану маяться виной,
Стоять, потупив долу очи:
Поскольку нет тебя со мной,
Всё остальное – шутки ночи.

А ночь шутить всегда вольна
И наводит свои порядки,
Она в любые времена
Впотьмах устраивает прятки.

И если ловятся не те,
То отпускать их смысла нету,
Ведь перепутать в темноте
Чего уж проще – ту и эту.

Но чуть рассвет – скорее прочь,
Забуду и слова, и лица:
Весь аромат, что дарит ночь,
С восходом солнца испарится.

И это, право же, смешно –
Тревожить днём ночные тени,
Ведь без тебя мне всё равно
Не знать ни муки, ни спасенья.

Ах, бросьте...

И шорохи листвы,
И ночи окоём...
Как здорово, что Вы
Со мной сейчас вдвоём.
Мы можем без помех
И без банальных слов
Впадать в чудесный грех,
Известный как любовь.
Ах, бросьте эту чушь,
Что держит Вас семья:
Вам безразличен муж...
Как безразличен я.

Восточные сладости

Нет, не о блистательной поэме,
Чтобы был завистник поражён –
Я теперь мечтаю о гареме,
Самом скромном – на десяток жён.

Или, в крайнем случае, двенадцать –
Всё ж я, девки, вам не Абдулла.
Будем до утра мы целоваться
С той, что мне особенно мила.

Ну, а завтра ждёт меня другая,
От безумной страсти вся дрожа,
И притом, естественно, нагая:
В койке неуместна паранджа.

Но и остальным готовлю милость:
Вот он – я, бери меня, бери!
Чтобы не нарушить справедливость,
Вывешу я график на двери.

Мудренее ночь для нас, чем утро!
Ничего от жён не утая,
Я раскроюсь, словно „Камасутра“,
Книжица настольная моя.

А какая польза в той поэме,
Хоть завистник ею и сражён?
Я теперь мечтаю о гареме,
Небольшом – на тридцать-сорок жён.

Кошачий романс

О, этот вечер был на зависть прочим –
Вино пьянило, свечи зажжены,
И всё готово было к чудной ночи
(Включая и отсутствие жены).

Вдруг чёрной вестью ты ошеломила
(Какая неприятность, Боже мой!),
Что ужином кота не покормила,
И потому тебе пора домой.

Ну что за испытание для киски –
Как завтра ты посмотришь ей в глаза?!
Мне легче самому не выпить виски,
Чем в „вискасе“ котяре отказать!

Я всё могу понять не хуже многих,
Ведь я не живодёр и не злодей,
А очень давний друг четвероногих,
Которые честней иных людей.

Ах, нет, я не в обиде – что ж поделать,
Не мучайся нечаянной виной,
Хоть, говорят, у кошки жизнью девять,
А у меня – в остатке – ни одной...

И наши разошлись пути-дорожки,
Допив бокал, ты изрекла: „Пора!“
...В душе скреблись и хохотали кошки
Ночь напролёт, до самого утра.

Роман с камнем

Парнишка я духом не слабый
И крепкий, как будто броня,
Но с каменной скифской бабой
Судьба повязала меня.

С тех пор я все дни и все ночи
Напрасно пытаюсь уйти:
Её известковые очи
Всегда у меня на пути.

И рот приоткрыт постоянно,
Но доброго слова не жди.
Стоит она возле кургана,
Сложив кулаки на груди.

Здесь половцы раньше гуляли,
Варяги ломали весло,
А нынче у каменной крали
Всё мохом в ушах заросло.

Кричу ей: „За что я в полоне
Семнадцать мальчишеских лет?“ –
Лишь филин угрюмо застонет,
Да ворон смеётся в ответ.

Что ж, долго роптать не годится,
Коль надо ужиться вдвоём.
А камушек если родится –
Его мы Петром назовём.

К себе домой он женщин не водил...

Без общества прекрасных дам зачах,
Щетинюсь, словно кактус на покое.
Одни мечты – и ужин при свечах,
И трепет юных плеч, и всё такое...

А ведь припомнить мог бы, ротозей,
Хорошеньких девиц немало, вроде,
И с кем-то я встречался на природе,
А с кем-то – на тусовках у друзей.

Но в гости их к себе не приглашал,
И на ночь ни одна не оставалась:
То кто-то из родителей мешал,
То не велит жена... Какая жалость!

И бодрая старушка-крокодил
Напишет со слёзюю крокодила:
„К себе домой он женщин не водил,
И сколько шансов упустил, мудила!“

Нубмо с мозо свема

Когда она летала на метле...

Когда она летала на метле,
Я многое прощал – за тягу к выси,
За дикие глаза сибирской рыси,
За гордое презрение к хуле.

Да я и сам, о чём тут говорить,
В ту пору и бесстрашен был, и молод,
Но от людей таил сердечный холод
И волчий хвост привык от них таить.

Мы оба изменились, и она
По телефону врёт фальшивым басом,
Летает нынче только бизнес-классом,
Чужому мужу – верная жена.

А я не лучше, и моя тропа
Истоптана людским и козым стадом,
И запах тлена чую где-то рядом,
И нет хвоста: он сам собой отпал.

В тревожный час, в вечерней полумгле,
Я, сильно постаревший и женатый,
Вздыхаю: было весело когда-то –
Когда она летала на метле...

Оборотень

О нет, меня не тянет в стаю,
Не надо ставить мне в вину,
Когда я шерстью обрастаю
И завываю на луну.

Мне самому обрыдло это,
По горло сыт такой судьбой,
Но очень нужно до рассвета
Порой побыть самим собой.

Картавым голосом вороньим
Оглашено в ночной тиши,
Что нет дороги посторонним
В дремучий мир моей души.

Тогда я уйду из дома
Куда ведёт звериный глаз,
И я б не пожелал знакомым
Со мной встретаться в этот час.

А днём пылью лесного злака
С моей стяхнёшь ты головы.
По гороскопу ты – Собака,
Совсем не пара мы, увы.

Пора бы нам поставить точку –
Понятно и тебе, и мне,
Но мой детёныш – наша дочка –
Опять поскуливал во сне.

Она пока что ходит прямо,
Но клык уже торчит чуть-чуть.
Что ждёт её? Не волчья яма –
Так человеческий скользкий путь.

Давно охотники уснули,
Но мне не греться у огня:
У них серебряные пули
Уже отлиты для меня.

Выжить я не мог

Бесшумно проходя по середине ночи,
Я шёл тебе сказать, что я давно иной,
Любовный эликсир истрачен и просрочен,
И магия твоя не властна надо мной.

У входа в твой чертог, куда из разных стран ты
Сумела заманить всех монстров детских снов,
Смотрели сквозь меня массивные Атланты –
Не знавшие страстей держатели основ.

Лежало позади лесное чернокнижье,
Предательство болот, кувшинки с камышом.
И выжить я не мог – но всё-таки я выжил,
Не должен был прийти – но всё-таки пришёл.

От трепета свечи дрожала занавеска,
И феями в ночи мерцали светляки.
Ты отворила дверь решительно и резко –
И нож, что я сжимал, сам выпал из руки.

Ты говорила мне: „Входи, я даже рада,
Садись-ка у огня, испей моё вино,
Да будет эта ночь – последняя награда
Любимому давно, забытому давно“.

И с шеи ты сняла рубины цвета крови,
И скинула с себя затейливый наряд,
Я взял бокал с вином, сказал: „Твоё здоровье!“ –
И осушил до дна, хоть знал, что это яд.

И вот теперь один лежу среди дубравы,
Навеки наделён я памятью больной,
Покой мой сторожат обманчивые травы,
И вороны кружить бояться надо мной.

Что от ведьмы в тебе осталось?
Только, разве что, омут глаз,
Где зелёная хмарь плескалась
И куда я нырял не раз.
Да колечко – его на счастье
Подарил старый граф, скорбя,
Да лиловый шрам на запястье –
След костра, что не сжёг тебя.
А кому ты беду пророчишь
Ночью чёрною при луне
И кого из мужчин морочишь –
Всё равно ты не скажешь мне.
Неуместны теперь укоры,
Так по полной же разливай
Колдовской настой мандрагоры,
Но не очень-то уповай
На отвар из травы забвенья –
Мало толку от той травы:
Не забыла любви мгновенья?
Ты же помнишь меня... живым?

Здесь жил колдун

Тут раньше жил колдун, чудной такой,
Не самый старый, но вконец усталый,
Его судьба настолько измотала,
Что выше воли он ценил покой.

Никак не мог решиться, хоть убей,
На видимое миру чародейство,
От гениев далёк и от злодейства,
Подкармливал на крыше голубей.

И голубиной почтой отсылал
В диковинные земли поздравленья,
А дождик лился без его веленья,
Да и закат без чар его пылал.

Лишь изредка он отворял врата
В мир древних сказок на лесной опушке,
Откуда детям выносил игрушки,
Конфеты и поющего кота.

Хотя его не жаловал народ,
Не насылал он на посевы – тучи.
Но и его сожгли. На всякий случай.
Ведь кто их, чародеев, разберёт...

Письмо с того света

Это вам не газета, тут не будет вранья.
О письме с того света вы просили меня.
Ждёте почту? Ну что же, я уже не спешу
И на собственной коже своей кровью пишу.

Не понять вам покуда, как мы жили в аду.
Я давно уже чуда никакого не жду.
Но по воле Господней, видно, чудо сбылось,
Если из преисподней мне уйти удалось.

Где отвесные скалы, вековечная сушь –
Обитает немало неприкаянных душ.
Словно древние боги, за скалистой стеной
Мы подводим итоги нашей жизни земной.

Здесь в огне не пылаю, здесь ожоги лечу,
Ничего не желаю, даже жить не хочу.
А тем более – денег: не искупишь беду.
А тем более – девок: их до чёрта в аду.

Но потерь не бывает, если знать наперёд:
Что один теряет – то другой подберёт.
Даже если из лужи, даже если со ржой –
Только опыт не нужен, если это чужой.

Убывать год от года, не понять ни рожна,
А в конце – и свобода нам не так уж нужна.
И любовь – не награда, как душой ни криви.
Но не надо, не надо горьких слов о любви.

Не любовь виновата, что безумно в неё
Я поверил когда-то, как в спасенье своё.
Так и пращур понуро ждал в пустыне конца
И уверовал сдуру в золотого тельца.

Так за миг до расстрела, дочь ко рву волоча,
Мать поверить хотела в добрый взгляд палача.
... В вечность жизни не верьте, ибо это всегда
Растяжение смерти на другие года.

Не имеет значенья, где оборвана нить,
Вечно – только мученье, и его не избыть.
Я давно знаю это, ни о чём не прошу
И письмо с того света потихоньку пишу.

Гость на собственной тризне, я вздохну о своём,
Потому что из жизни не уходят живьём.
Раньше плакал, сгорая, нынче горько молчу,
Ведь и вашего рая я уже не хочу.

Крова́вый закат

Ах, оставь нелепый гонор,
Гостья из дневного мира!
Ты сегодня – только донор,
Только пища для вампира.
И не я тому виною –
Знать, угодно высшей силе,
Чтобы ты ночной порою
Подошла к моей могиле.
Ты не верила в расплату,
Не догадывалась, что ли,
По кровавому закату
О своей печальной доле?
Умолять смешно и поздно,
Неужели позабыла,
Как любовь мою бесслѣзно
Ты живьѣм похоронила?
После крестик в изголовье
Рисовала тонкой веткой...
Я ж спустился за любовью,
За своей несчастной деткой,
В царство мрака, что однажды
(Но навеки!) смертных ловит.
И обрѣк себя на жажду –
На большую жажду крови.
...Больше нет любви и мести.
Смерть отметит час и дату.
Мы пройдем с тобою вместе
По кровавому закату.

Два скелета

Жили-были два скелета –
Женский и мужской –
И в одном гробу при этом
Спали день-деньской.

А когда ночные силы
Обретают власть,
Выходили из могилы
Да резвились всласть.

Свежим воздухом дышали,
Скалились во мрак
И пробежки совершали,
Чтоб размять костяк.

Вдруг услышали скелеты
Как, пронзая тишь,
Плачет, хоть легко одетый,
Но живой малыш.

Он, дневного мира житель,
Мелко семеня,
Умолял их: „Проводите
К выходу меня!”

И скелеты отвечали:
„Выведем на свет!
Заблудился? – для печали
Основанья нет.

Ну, не хнычь уж так, чего там,
Экая беда.
Довести тебя к воротам
Сможем без труда“.

И затопали ботинки,
Пробуждая птиц,
И скатились две слезинки
Из пустых глазниц...

...Не был я когда поэтом,
В пять неполных лет,
Мне об этом под секретом
Рассказал мой дед.

И добавил бесшабашно:
„Помни, внук, всегда:
Ночью с мёртвыми не страшно,
Вот с живыми – да...“

Баллада о забытом

Про застарелые грехи, обиды и волненья
Забудут новые враги и прежние друзья,
Поскольку в этом мире всем отпущено забвеньё,
Нельзя забыть лишь одному: забытому – нельзя.

Ведь он – забытый, и ему уже не будет хуже,
И можно по нему ступать и сквозь него бежать.
Теперь не то что зеркала, но даже просто лужи
Его прозрачное лицо не в силах отражать.

Он будет тихо повторять все траурные марши,
Ведь он – забытый, и ему не станут запрещать.
Он будет с мёртвыми молчать: они ведь тоже наши,
Они такие же, как мы, их нужно навещать.

Он может не спеша скользить среди имён и отчеств,
Среди калиток и оград, заржавленных давно.
И там, у них, и здесь, у нас, так много одиночеств.
Однако, всем дано забыть. Забытым – не дано.

Ему нельзя сказать: уйди, и это верный признак,
Что он надолго позабыт, навеки позабыт.
Что человеку человек – не более, чем призрак,
Кого судьба не сохранит – забвеньё сохранит.

Маленький такой недостаток

Нет-нет, она не так уж кровожадна,
Не злюсь я на неё – какая злость...
Как выжил я? О том не будем, ладно?
Раз выжил – значит, как-то удалось...
Что путь любви не гладок и не ровен,
Про то понятно каждому ежу...
Я сделался немножко малокровен,
А так – порядок, всё ещё хожу
И выгляжу вполне себе, не так ли?
Хотя довольно бледное лицо...
Ну да, пила. Но ведь пила по капле,
Не литрами пила, в конце концов!
Зато бывали ночи с нею сладки,
А вечера похожими на пир...
Куда ни глянь – у всех есть недостатки.
Она вампир? Подумаешь, вампир...

Дети Атлантиды

Хранитель

Мой ангел в небеси играет менуэты.
Вчера ещё, как тень, он следовал за мной,
А нынче вышел срок, отбой пропели флейты,
Хранитель улетел, и пусто за спиной.

Да, он умел хранить, он в этом деле первый,
Умел бедовый нож от сердца отводить,
И вынуть из петли, когда откажут нервы,
И пьяному авто дорогу заградить.

Терпенья образец и ангельского долга,
Он так меня хранил почти до сорока,
Но наступил конец, я крикнул: „Ты надолго?“ –
А он махнул крылом и взвился в облака.

Хранитель улетал, но по пути всё чаще
Оглядывался вниз и тихо повторял:
„Зачем хранить того, кто загодя пропащий,
Кто жизнь растратил зря и душу растерял?“

Его на небесах ждёт ангельское пенье,
Там арию ему сыграют на трубе.
А здесь остался тот, кто отдан на хранение
Лишь самому себе, лишь самому себе.

Пьеро

Навязчивый мотив, немодный и унылый,
Ты будешь повторять, пока не надоест,
О грустный мой Пьеро, что смысл с лица белила
И сбросил мишуру, и в джинсы перелез.

Театра нет, а ты играешь поневоле –
Не то что за гроши, а просто без гроша.
Кому нужны твои трагические роли?
Кому нужна твоя печальная душа?

Ах, двадцать первый век брезглив и избалован.
Газетой не шурши, оставь свои мечты:
Хоть объявлений – тьма, но требуется клоун,
И вовсе никому не требуешься ты.

А курточка уже до дыр поизносилась,
И подтекает кран, и дребезжит кровать.
К тому же начался у Коломбины климакс,
На то, что рядом ты – ей глубоко плевать.

Припомнится тебе холодными ночами,
Как зал рукоплескал и сыпались цветы.
Но кто-то лишь пожал крылатыми плечами,
И занавес упал с небесной высоты.

Запеть бы от души, да что-то не поётся.
Всяк позитива ждёт, но где он, позитив?
Тебе смешно до слёз, и значит, остаётся
В полночной темноте наигрывать мотив.

Город тихо каменел...

Город тихо каменел. Каждый провод – нерв.
Разве кто-нибудь умел так влюбляться в стерж?
Разве кто-нибудь мечтал о такой судьбе?
Голубь гадость прокричал – значит, о тебе.
А потом какой-то дог пиццу ел из рук.
Видно, тоже одинок среди разных сук.
Слюни горькие не лей, пистолет – хвостом!
Верно, дома веселей, только где наш дом?
Что, хвостатый, изнемог? Где твои друзья?
Жить с нуля? О, ты бы смог, это мне – нельзя.
Мне бы надо на вокзал. Или в самолёт...
Я б такое ей сказал... Впрочем, не поймёт.
Разговоры нам двоим, что собаке – плеть...
Буду с городом твоим молча каменеть.
Ну за что, о Боже мой, сердце – на излом?
Знаю: мне пора домой, только где мой дом?..

Ловец

Всё тщета и ловля ветра.
Экклезиаст

Уже написан Вертер,
Дочитан Мураками,
А он всё ловит ветер
Озябшими руками.
Привык он, ветра вроде,
Летать от дома к дому,
Он от любви свободен,
Доставшейся другому.
Один на целом свете,
Унять не в силах дрожи,
Он ловит, ловит ветер –
И всё поймать не может...

Аэропорт

Если путь наш тягостен и скуден,
В этом небеса не виноваты.
Мы – аэропорченные люди,
Наши души больше не крылаты.

Деревом, что листья отпускает
И себя теряет понемногу,
Облетаю целыми кусками
На сырую грязную дорогу.

На дорогу бесполезно злиться.
Слякоть, снег и мусор – вперемешку.
Вон монетка – можно наклониться,
Поиграть с судьбой в орла и решку.

Но удачи всё равно не будет,
И уже вовек не отыграться.
Мы – аэропорченные люди,
Нам лишь облетать и осыпаться.

Ах, какой чудесный лайнер!

Ах, какой чудесный лайнер! – Вот билеты, дорогая,
Поплывём по океану прямо в прошлое с тобою.
Там другая атмосфера, обстановка, жизнь другая,
Мы успеем расплестись с сухопутною судьбою.

Капитан – в парадной форме, и блестит на солнце кортик.
Пассажиры в первом классе франтоваты и беспечны.
А оркестр корабельный грянет: „Ты морской мой котик!“
(Этот марш я сам придумал – про любовь, что длится вечно).

Вот уже платками машут – до отплытия минута,
И шампанское открыто с громким выстрелом и пеной.
Посмотри-ка, нам досталась обалденная каюта,
И форель на ужин будет, слава коку, обалденной.

Ты проблемами, мой ангел, не грузи меня сегодня –
В судовом журнале запись: я – Herr Niemand*, просто странник.
Ах, какой чудесный лайнер! ...А когда убрали сходни,
Мы узнали: наш кораблик называется „Титаник“.

*господин Никто (нем.)

Баллада о боярышнике

*Посвящаю Ирине Акс,
с благодарностью за рифмы,
которые я использовал в первой строфе.*

Там, где царят пассаты и муссоны,
Где сплошь вокруг солёная вода –
Бесчинствуют пейсатые масоны
И топят быстроходные суда.

Их кэп, что прозван Чёрным Соломоном,
Гроза испаноговорящих стран,
Смеётся во весь голос над законом
И вешает на нее христиан.

А если попадётся вдруг девица
Без нижней юбки и мантильи без,
Над нею он морально поглумится,
Бесчестить отказавшись наотрез.

Но вот однажды боцман Йося Длинный,
Великий мастер резать, жрать и пить,
Спросил: „Не запастись ли солониной?
И рому не мешает прикупить!“

И капитан кивнул ему: „Всё верно,
Проблему понимаешь ты нутром,
Хоть солонина, вроде, не кошерна,
Зато вполне кошерен крепкий ром“.

Вразвалку побрели они по суше,
На время позабыть себе веля
Про море и загубленные души,
Про крыс, грызущих днище корабля.

В таверне ждут их две сестры-старухи,
Хозяйки провианта и вина,
Жаль, с недопоя вечером не в духе,
Ну, а с утра – не в духе с бодуна.

Пускай и стервы, знают счёт реалам,
Пиастрам тоже понимают счёт,
Но незадача: хоть еды навалом,
Бочонки рома все наперечёт.

Тогда сестрица, старшая по дому,
Сказала по-французски: „Се ля ви!
У нас сегодня недостача рому,
За ним ты через месяц приплыви.

Вы малость без него прожить сумеите,
Но чтоб не пересохло бы во рту,
Родимый наш боярышник попейте,
Он хоть не ром, а тоже на спирту“.

...Там, где царят муссоны и пассаты,
Где солнца круг висит над головой –
Навек умолкли грозные пираты,
Отпел их старый ребе судовой.

Тот ребе выжил, ибо был бывалым
И много видел на своём веку,
Себя дурным питьём травить не стал он,
Заныкав впрок бутылку коньяку.

У зеркала

С бутылкой виски ночью при луне
Бесслёзно плачу и встречаю осень.
Не сразу вспомню, сколько лет жене,
Но точно знаю: дочке – двадцать восемь.

Не долг срок – иные рубежи
Готовят мне заоблачные дали.
И книг моих смешные тиражи
Сулят бессмертье автору едва ли.

Где верные соратники мои
По звонкой рифме и былинной речи?
К себе их на подмогу не зови –
Иных уж нет, других врачи долечат.

Умолк гитары дивный перебор:
Кто петь умел – тем больше не до песен.
А пресловутый ворон с Nevermore
Как собеседник мне не интересен.

И на душе сплошной базар-вокзал,
Бранюсь и пялюсь в зеркало при этом.
„Ну, вздрогнем!“ – отражению сказал.
Оно не удостоило ответом.

Дети Атлантиды

Мы тоже дети страшных лет России...

В. Высоцкий

Переживать нам вовсе не годится,
Тем более, бессмысленно жалеть,
Что не успели вовремя родиться
И пропустили сроки умереть.

Пускай мы не стояли на Сенатской,
Не мчались на тачанках, грохоча,
Но можем без стеснения признаться:
Молиться не пришлось на палача.

Героев не щадит молва и плесень,
И зла хватает на любом веку.
Мы не шептались „за погром в Одессе“,
Но другу не забыть погром в Баку.

Мы рождены не поздно и не рано,
А в память обжигающие дни,
Вобравшие в себя позор Афгана
И пахнущую нефтью кровь Чечни.

Нам памятны надежды и обиды,
Победы, кои стать грозят бедой...
Мы – дети затонувшей Атлантиды:
Горды уж тем, что дышим под водой.

Песенка оловянного солдата

Ах ты, мой уцелевший солдатик...

Ю. Арустамов

Перо к моему не равняют штыку,
А ноги совсем устали.
Поэт про меня сочиняет строку,
Что мне не хватало стали.

И будут за мягкость меня порицать,
И быстро найдут изъяны –
Того очень просто склонять без конца,
Кто плавкий и оловянный.

Который тут „стойкий“? – стоять изволь
Не возле шатра маркитантки,
Но там, где поставит тебя король
(Что раньше служил в охранке).

Куда ты с любовью своей полез?
Ты просто позор для роты!
А выправка где? Где пуговиц блеск?
Стране нужны патриоты!

Отставить вопросы! – они не для вас,
Солдат рассуждать не вправе.
Ударить по шведам! Бомбить Кавказ!
И нет про любовь в Уставе.

Я буду смешнее, чем танк без брони,
Когда вскочу по тревоге.
А обе ноги – как болят они,
Хоть я давно одноногий...

Страшила Мудрый

Мест перемена не меняет суммы,
А ночь темна, и не видать ни зги.
Себе я удивляюсь: чем я думал,
Когда просил у Гудвина мозги?

Всё проще, если в голове солома,
А разум – и за грош ты не продашь.
Сейчас настало время дуболомов,
Скандирующих: „Мыс Зелёный – наш!“

Шпионы ремеслом живут паскудным,
Жандармы знают клич „Держи-хватай!“
Наш Город перестал быть Изумрудным:
Все изумруды вывезли в Китай.

За правду просто некому бороться,
Ум супротив дубины – ерунда,
Кто весел – тот давно уж не смеётся,
А кто искал – тот сгинул без следа.

Броня крепка, и пушки очень метки,
И – на словах – мы в мире круче всех.
Ворона Кагги-Карр загнулась в клетке,
В металлолом сдан храбрый Дровосек.

У черни злобный Джюс – пророка вместо,
И дуболомам он не надоест.
Как хочется сбежать в другое место...
Но что меняет перемена мест?

Антиреквием

Испил он из последней чаши,
Вздохнул и отбыл далеко.
А что ушёл, не попрощавшись, –
Вослед прощается легко.
Не стал Сократом и Жан-Жаком,
Не поразил прозреньем свет,
Зато теперь признать не жалко,
Что рядом с нами жил поэт.
Не пёкся о насущном хлебе
И часто был навеселе,
Но что-то написал на небе –
И всё случилось на земле.
Стекает мутная водица
Из уст недавнего врага,
Мог мемуарно прослезиться,
Да жаль, бумага дорога.
А мы вздохнём по-человечьи,
Стихи припомним, не спеша,
Не нанесём душе увечья,
Где б ни была его душа.
Какое дело нам, какое –
Что пил, с кем спал и как блажил?
Даруй, Господь, ему покоя –
Покойный это заслужил.
Пусть будет самый скромный ужин,
Качнутся рюмки, дребезжа –
И всё. А реквием не нужен:
Он этот жанр не уважал.

Почти библейская история

Кров и пищу всегда предложить я влюблённым рад,
На ночь ложе своё для пьянящей любви отдам.
А представьте себе настоящий Эдемский сад,
Где грешили когда-то Адам и его мадам.

Не грузили сознание своё ни добром, ни злом,
Шелест трав их пленял, море фруктов и запах роз.
А под Древом Познания, что слева и за углом,
Жил загадочный змей по фамилии Уроборос.

На змеиную жизнь свою Уроборос роптал
И частенько шипел, что обидел беднягу Бог:
Дело в том, что попробовать яблоко змей мечтал,
Но его целиком заглотив он никак не мог.

И однажды сей гад, встав, как видно, не с той ноги,
Поспешил прямо к Еве и всё рассказал, как есть:
Ты, мол, девка с руками – так ближнему помоги,
Отлочи мне кусочек, а прочее можешь съесть.

И творения венцом ты себя ощутишь всерьёз,
Меру зла и добра постигая в один приём.
Ну, а главное, много узнаешь приятных поз –
Никакой „Камасутре“ не снился такой объём.

О дальнейшем давненько проведал честной народ,
Есть о том и картины, и книги, а между тем
Соблазнённая Ева откушала дивный плод,
Но делиться со змеем не стала она совсем.

Тот, конечно, накапал. Был страшный переполох,
Еве счёт предъявили, признала она вину,
Из Эдемского сада изгнал её лично Бог,
Заодно и Адама (ответчиком за жену).

Но и змей был наказан: мифический сей прохвост
Стал с библейских времён странной позой известен всем:
Он жуёт, словно „Орбит“, свой скользкий змеиный хвост,
И ни вынуть не может, и ни проглотить совсем.

Одна душеспасительная беседа

Любимая, поставь-ка свой бокал!
Ты – прелесть, я готов поклясться адом:
С тобой никто и рядом не стоял
Из женщин, что сидят с тобою рядом.

Взгляну в глаза – и, кажется, тону,
Как тонет рыба-меч в морском рассоле...
Но ты, подруга, тянешься к вину,
На это не могу смотреть без боли.

Шептала ночью ты, что я – король,
Да будь я даже Цезарь настоящий,
Скажу: для женщин вреден алкоголь,
Как никотин для лошади курящей.

На хрустале – и торт, и пирожок,
И ананас, сладчайший от природы.
Зачем тебе анжуйское, дружок,
Когда на свете соки есть и воды?

Вино – одна разжиженная ложь,
А ты ведь мать, не забывай об этом.
Какой пример ты сыну подаёшь?
Малец сопьётся, вырастет поэтом!

Вон юная судьба оборвалась
Намедни, мне девицу очень жалко:
Она перед купаньем напилась
И про себя решила, что русалка.

А тот, кто клялся век её любить,
Теперь ночами бродит, словно призрак,
И вопрошает: „Пить или не пить?“ –
Сам у себя, что нехороший признак.

В таком бреду – хоть шпагой заколись,
Не вынести мучительной потери...
Ой, глянь, а гости как перепились,
Один уже найти не может двери.

На дармовщинку кто же не алкал,
А мне потом – иди, сдавай посуду...
Прошу тебя добром: поставь бокал!
Остановись!

Не пей вина, Гертруда!!!...

Партизанская думка

Неужто звезда боевая моя
Не будет ко мне справедлива?
Пустой холодильник, заела семья,
А главное, кончилось пиво.

Негоже с тобою весь век куковать
И ржавым лечиться нарзаном –
Я хату покину, пойду воевать,
Уйду в тёмный лес к партизанам.

Всегда за Отчизну готов порадеть,
А штатские брошу привычки,
С досады в засаде я буду сидеть,
Пускать под откос электрички.

Могу из врагов понаделать калек
Своим партизанским ударом.
Я всем супостатам – как вещей Олег,
Что мстил неразумным хазарам.

Куда ни поеду, куда ни пойду –
Наполнят мне доверху кружку,
А если охота – ещё заведу
Себе боевую подружку.

Нам будет в землянке вдвоём хорошо,
Она улыбнётся счастливо...
Сама виновата, что в лес я ушёл:
Ну что бы не сбегать за пивом?!

Осенний суд

Судьба ещё не началась, а жизнь давно за половиной.
Холодный ветер бьёт в лицо, и листья мятые летят.
На чей же мне отдаться суд, куда теперь идти с повинной?
С меня за всё по полной спросят – и, уж конечно, не простят.

А ты качаешь головой в своей жестокой укоризне:
Совсем, совсем не для меня ты выплетала ночью сеть.
За каждый звёздный час с тобой плачу десятилетьем жизни,
И только жаль, что до конца мне расплатиться не успеть.

Свой палач

Об этом, други, плачь не плачь,
Но, вы уж извините –
Положен каждому палач,
А вовсе не хранитель.

Покуда маешься виной
Иль кажешься задирой,
Стоит он молча за спиной
С наточенной секирой.

И маска с прорезью для глаз –
Венец его наряда.
Он терпеливо ждёт приказ
И выполнит, как надо.

Да, всё меняется в судьбе:
Кто проклят, кто прославлен,
Приставлен ангел был к тебе –
Теперь палач приставлен.

– Тебя, – сказали, – не виним,
Что жил не в Божьем страхе,
Но слишком долго ты храним.
И сохранён. Для плахи...

Дума о Бермудах

Эх, завалиться б на Бермуды
И там расслабиться сполна.
Как говорит моя жена,
Прощай, немытая посуда.

Вдали от пасмурной Европы
Я буду делать, что хочу,
И в океане омочу
Свои натруженные стопы.

Смогу качаться в гамаке
И упиваться крепким ромом,
Бродить по джунглям незнакомым
И в жарком утопать песке.

Хлебная суп из черепах,
Суровым стану и усатым,
На зависть всем морским пиратам
И всем разбойникам на страх.

Мой гордый профиль загорит,
Под стать хорошей шоколадке,
Для вас, креолки и мулатки,
Я обрету спортивный вид.

Пускай не охает родня:
Поднакоплю чуток валюты,
Махну на знойные Бермуды –
И только видели меня.

Вдоль по Невскому

Если ездить в прошлое – лучше бы в карете,
Кучер бы прилизанный сел на облучок,
Кланялись прохожие, и кричали дети:
„Ваше благородие, киньте пятак!“

Я вкушал за завтраком пудинг бы из рису,
Попивал бы кофию, что черней чернил,
А рукой проказливой баловал актрису –
И меня в харрасменте кто бы обвинил?

На проспекте Невском бы проживал счастливо,
Защищал без промаха на дуэлях честь,
Если же закончится в этом доме пиво –
На такие случаи крепостные есть.

Дни же, как положено, проводил бездельно,
А попозже – с Пушкиным лёгкий променад:
Он, бедняга, трудится аж еженедельно,
Вечерком развезься тоже будет рад.

О прогулке с гением грезят все на свете,
Если мне предложите, я скажу: „Мерси!“
Но одно условие: только чтоб в карете –
Неуместно в прошлое шастать на такси!

В былых страстях уж не сгораю я,
Горючих матерьялов не осталось
В сырой душе... Ну разве только жалость,
Что не постиг я смысла бытия.

А кто постиг – молчание храня,
Едва ли нам откроет даже малость.
Своя дорога каждым выбиралась,
И яма будет каждому своя.

Мёд-пиво не струится по усам,
Порой не знаю: я реален сам
Иль стал игрушкой, вроде тамагочи?

Шагаю без оглядки за судьбой,
Лишь камни оставляя за собой,
И ставлю точки вместо многоточий.

Тёщин зять

Он, как бывалый тёщин зять
И всем желанный гость,
Мог многое от жизни взять,
Да как-то не срослось.

На ровном падал он пути,
Рос хилым, как назло,
И где другим могло везти –
Бедняге не везло.

Коль рюмку выпьет среди друзей
И примется за суп,
Вдруг разболится – ей же ей! –
Совсем здоровый зуб.

А на работе в лифт войдёт,
Имея бодрый вид, –
Так оглушительно чихнёт,
Что все решат: ковид.

В трамвае мест, конечно, нет,
Что ж, постоим давай.
Едва лишь купит он билет –
Сломается трамвай.

Придёт зима – опять напасть:
Ремонт на этаже,
А балке на кого упасть?
Вы поняли уже.

Судьбина не по-детски зла!
Обиднее всего,
Когда любимая ушла
С приятелем его.

И он воскликнул: «Как я жил!
Доколь терпеть зазря?!»
И в петлю голову вложил,
Но... порвалась петля.

Виртуальный вальс

Виртуал, виртуал –
То любовь, то скандал,
Сколько душ в этот омут бросаются...
Если сердце болит,
Нажимай на „делит“ –
И обиды легко удаляются.

Говоришь, не для нас
Интернетовский вальс –
Ни к чему в нашем возрасте мучиться,
Ждать раскрытия тайн,
Радость – только он-лайн,
А в реале – уже не получится.

Говоришь, по уму
Это всё ни к чему –
Нам страстей не понять и не вынести,
То „прощай“, то „прости“,
Мол, детишкам – расти,
Ну, а нам-то уж больше не вырасти.

Ты, конечно, права:
Тут слова, там слова,
На бумаге ли, на мониторе ли,
И уже не поймёшь,
Где же правда, где ложь,
И о чём мы с той женщиной спорили.

Ой, про женщину зря...
Мы с ней просто друзья,
Брось меня ревновать – дурью маяться...
Ну, душа... Да, болит...
Где „делит“? Вон „делит“!
Удаляется? Не удаляется...

Робинзонада

Всё будет до смешного просто:
Лишь волю волн признав законом,
Я отыщу на карте остров
И заживу там Робинзоном.

Отгрохаю себе жилище
Из листьев пальмовых и веток
И не вернусь на пепелище
Многоэтажных наших клеток.

Жуя бананы, в ус не дую
И накопив жемчужин груды,
Аборигенку заведу я
(Для ласки и мытья посуды).

А городские наши дамы,
Не оценившие приватно,
Прозрев, пошлют мне телеграммы,
А я их всех пошлю обратно...

Не выражайте сожаленье,
Что остров мой необитаем:
Я так размножу население –
Не стыдно будет пред Китаем!

Экскурсовод

*И была у Дон-Жуана – шпага,
И была у Дон-Жуана – Донна Анна.
Вот и всё, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.*

Марина Цветаева

Бонжур, гуд морнинг, чао и салют!
У нас тут всё взаправду, без обмана.
По просьбам дам сегодняшний маршрут
Мы назовём „Дороги Дон-Жуана“.

Вон там трактир, где часто он бывал,
В библиотеке читывал сатиру,
А у фонтана страстно целовал
Почти ещё невинную Эльвиру.

Пройдёмте дальше: шпагу он скрестил
На этом месте с рогоносцем-мужем,
А после романсеро сочинил,
Что одинок и никому не нужен.

О да, сеньоры, жили в старину
Мужчины, что готовы верить в чудо.
Влюблялся часто, но любил одну,
И лишь одну её искал повсюду.

Казалось бы, нашёл, да вот беда:
Достигнутая цель уж не желанна,
Не так прекрасна и не столь горда –
И всё, аривидерчи, Донна Анна!

А списки донжуанские – подлог,
Иль, говоря по-нынешнему, – фейки,
Зато продать их Лепорелло мог
За мараведи... то есть за копейки.

Но он сумел и золото скопить:
Чтоб в списки те попасть, посеяв слухи,
Готовы были донны заплатить –
И девушки, и жёны, и старухи.

Так в кошельке пройдохи завелись
Дукаты, луидоры и гинеи.
Враньё, что правит женщиной корысть –
Тщеславье для неё куда важнее.

А с этого вот места (с давних пор
О том твердят и пишут постоянно!)
Окаменелой дланью Командор
В глубины ада бросил Дон-Жуана.

Однако, закрепился слух уже,
Что средь развалин, на природы лоне,
Пал жертвою обманутых мужей
Сей сердцеед. И тайно захоронен.

Но и другое слышно от отцов –
Что жив Жуан, что, путь земной итожа,
Любовью вечной грезит, и готов
Бежать за нею, да поймать не может...

И вдруг, не поднимая головы,
Шепнула дама – та, что помоложе:
– Признайтесь, сударь, – может, это вы? –
Вы в профиль на портрет его похожи.

– Конечно, нет, сеньора, я – не он,
Хотя мне очень лестно, что спросили.
Жуан – высокородный гранд и дон,
А я... вожу туристов по Севилье.

Самозащитное

Увы, нам не видать нирваны:
Грозят загнать до срока в гроб
Пожары, выборы, вулканы,
Землетрясенье и потоп.

Пока сидим, развесив уши,
И тупо ждём судьбы иной –
Уже пришли по наши души
И птичий грипп, и грипп свиной.

Какой-то там коронавирус,
Как будто мало нам забот,
Неведомо откуда вырос,
На род людской раззявив рот.

То террористы, то маньяки,
За каждой кочкой мельтеша,
Готовят всяческие бяки,
Хотят пришить из „калаша“.

Довольно! Я души богатство
На поруганье не отдам!
Доколь терпеть такое... гадство?! –
Спрошу я, не стесняясь дам.

Меня вы больше не ищите
Там, где поётся нота „до“ –
Я перейду к самозащите,
И бокс освою, и дзюдо.

К чертям искусство и науку,
Виват гимнастике у-шу!
Вечнозелёного змеюку
Собственноручно задушу.

Себя готовя к переделкам,
Которых в жизни до хрена,
Займусь стрельбою по тарелкам.
Скорей неси сервиз, жена!

А тот, кто не помянут к ночи
(Герой бесхитростных сатир),
Меня в сортире не замочит:
Я не пушу его в сортир.

Принима́йте порошки!

не доверя́йте герке дамы
он пи́роман и герострат
как дело к свадьбе сразу храмы
горят

с тобой зухра обня́ться круто
когда бухал весь бо́жий день
а всё же ми́лая чадру то
надень

меня́ хотят знако́мить с люсе́й
что на четвёртом эта́же
да я же́нат на ней лет двадцать
уже

еме́ля очень́ люби́т шу́ку
но с печки не слезал дурак
а ха́им из неё сва́рганил
форшма́к

в па́риж мне что то расхотелось
я бра́тцы не насто́лько туп
все го́ворят его уви́дишь
и труп

Ледниковый период

Купейное

Осталось, ни о чём не беспокоясь,
Пересчитать овец и прочих коз
И задремать в купе, пока наш поезд
Стремительно несётся под откос.
Поздняя метаться, ноя о потомках –
Что перед ними, дескать, есть вина.
Уже не важно, на каких обломках
И чьи они напишут имена.

Нет, прошлого я этим не обидел,
Когда спустился в памяти подвал.
А многих узнавал я, но не видел,
А многих видел, но не узнавал.

И брёл назад на ощупь, спотыкаясь
О пыльный, никому не нужный хлам.
И не моя – совсем чужая – память
За мною шла неслышно по пятам.

Катрены о времени и серебре

Недожаренный солнцем рыжим
И за что-то судьбой храним,
Я увидел Париж – и выжил,
После этого видел Рим.

И мелькали за далью дали,
Дни и ночи вели игру,
Словно листья, пооблетали
Пряди жёсткие на ветру.

Я шагал по мостам сожжённым,
Собутыльников звал „друзья“,
В чём-то клялся не нашим жёнам
И прощал, что простить нельзя.

Открывались на сердце раны,
И сжимались персты в кулак.
Я менял адреса и страны
И со следа сбивал собак.

Стены лбом сокрушал упрямо,
А когда, через сорок бед,
Ртом разбитым шепнул я: „Мама!“ –
Оказалось, что мамы нет.

Поминальные гаснут свечи,
Тянут Парки тугую нить,
И неправда, что время лечит –
Время может лишь хоронить.

Одиночество встало гордо
У моих непослушных ног,
Я схватил бы его за горло,
Но до горла достать не мог.

Что ж, придётся – такое дело –
Уживаться: ведь мы близки...
Время мне серебра жалело,
А теперь серебрит виски.

Под вальс, задумчивый и старый,
Роняли свечи отблеск зыбкий.
Мелькали чопорные пары
И равнодушные улыбки.
Все очень весело скучали
И очень вежливо шутили.
Казалось, не было печали,
Казалось, обо всём забыли.
И больше ничего не будет...
А за окном стужался вечер.
И свечи плакали, как люди.
И люди таяли, как свечи...

Легко сказать – держись,
Яви нам бодрый смех.
А если тает жизнь,
Как на ладони – снег?
А если вороньё
Слетелось на погост?
Бодрячество моё
Пойдёт коту под хвост.
Последнюю беду
Не в силах заглушить,
Я камнем упаду
С твоей больной души.
И то, что было мной,
Осядет налегке
Пылинкою одной
У Господа в руке.

Наш дом штормит уже который час,
Волна волну волною хлещет снова,
Уже дрожат цементные основы,
И пялится в окошко рыбий глаз.

Неведомо, куда нас отнесёт
(Без разницы – тайфун или цунами).
Казалось, всё, что можно, было с нами,
Но только оказалось, что не всё.

Нас время топит, как слепых котят,
Не пощадит бесстрастная стихия.
Взываю к людям – вроде, неплохие.
Спасти не могут. Да и не хотят.

Всё выше поднимается вода,
На пару вздохов воздуха осталось...
Что молодость проходит – эка малость,
Кончается и старость – вот беда.

Взгляд

Бывает, что в глаза ударит свет –
И мир предстанет голым, скользким, белым,
А сам ты, хоть тебе немало лет,
Как заново из хрупкой глины сделан.
И вырвется из-под прикрытых век
Взгляд быстрый, оглушительный, мгновенный.
Таким на бритву смотрит человек,
Который как-то в прошлом резал вены.
Таким глядит измученный пловец
На берег, бесконечно отдалённый –
В последний раз, когда всему конец
И набран полон рот воды солёной.
Но сам себе командует: „Держись!“,
Безмерно поражаясь, замирая,
Что главного не понял он про жизнь:
Была ли эта? Будет ли вторая?

Ну не погоду же корить,
Когда рукам пора разжаться?
Ведь знали: нам не воспарить,
Мы можем только погружаться.

Моя вина, твоя вина...
Не начинай об этом снова,
Когда нахлынула волна –
Волна потопа мирового.

И загудели провода,
И тени сдвинулись на лица,
И приготовлена вода
На землю грешную пролиться.

Едва качнулся – и исчез
Случайный луч за облаками,
И осень зарево с небес
Стирает мокрыми руками.

Уже не надо целовать,
Лишь на последний миг прижаться...
Настало время отплывать.
Настало время погружаться.

Романс на корме

Качнулась и скрипнула старая лодка,
И чайки над нею кружить не хотели.
Есть где-то на севере бухта Находка,
А нам попадаютсЯ бухты-потери.

Гребём без азарта, давно без азарта,
Ах, только б не рифы, ах, только б не мели.
А жизнь развернулась, как старая карта,
Легко обнажая свои параллели.

И страсть не прикинется больше любовью,
Зато под рукою, всегда под рукою
Тоска, что казалась смертельно болью,
И боль, что не стала последней тоскою.

Глядят удивлённо пугливые рыбки
На нас, что так много штормов пережили,
Но снова готовы платить за ошибки,
Причём за чужие, совсем за чужие.

А ветер солёные брызги сдувает,
А чайки над нами застыли в печали,
А берег всё дальше от нас уплывает,
И больше никто нас не ждёт на причале.

Ледниковый период

На скалистом берегу океана,
В ореоле льдистого тумана,
Старый мамонт протрубил с утра
Свой уход. Он к смене декораций
Не готов и видоизменяться –
Не согласен. Вымирать пора.

Вот и мы – такой я сделал вывод –
Входим в ледниковый свой период,
Белоснежный, как халат врача.
Без потерь нам из него не выйти.
Протрубим же, други! Но не выть и,
Упаси нас Бог, не верещать.

В тихом омуте черти вымерли:
Радиация виновата.
Из меня вчера душу вынули,
После вставили... кривовато.
Плюс она теперь вдвое сложена,
В извращённом каком-то вкусе.
А как жить с душой покорёженной –
Вы не в курсе?

Жаль, я не был в краю русалочьем,
Там, где с чёртом луна встречалась.
Напугать меня можно мало чем,
Но у Гоголя – получалось.

Сказки страшные стали былями,
Не звенит струна за околицей,
Кто кого породил – забыли мы,
Кто кого убивал – запомнится.

Опустели поля и пастбища,
Вороньё обживает кручи.
И не спят мертвецы на кладбище,
Что на хуторе возле Бучи...

На распутье

Скрещение дорог
Ждёт витязя, маня, –
Ты на любую мог
Поворотить коня.

Направо указав –
Дождёшься всех наград
И вечно будешь прав,
Хоть трижды виноват.

Вот это благодать!
Надёжно, как в раю.
И мне рукой подать...
Но я не подаю.

Налево? Завсегда
Приятнейший маршрут.
Тебе там рады? Да!
Тебя давно там ждут.

Там нега и покой,
Любовь нестрогих дам,
И мне подать рукой...
Да только не подам.

Назад? Кумач трибун
И вкус бедовых губ.
Но ты там слишком юн
И, значит, слишком глуп.

Поманит в кабаки
Копеечный „Агдам“...
Не то что бы руки –
Полпальца не подам.

А ежели вперёд?
А что там, впереди? –
Никто не разберёт,
Но милости не жди.

Там затаился тать.
Там бурелом лежит.
Уже рукой подать –
Да вот рука дрожит...

По сказкам узнаю
Скращение дорог.
Пред камнем я стою.
Как витязь. Или лох...

Закатный час

Когда на город наползает мгла,
Но Солнце длит обряд самосожженья,
Я сомневаюсь, что Земля кругла
И слабо верю в силу притяженья.

Нет больше силы, что тянула нас
Сгорать вдвоём, то плача, то немея,
Поэтому теперь в закатный час
Коперник мне не ближе Птолемея.

И трогательной сказке про китов,
Что держат этот мир снующих гномов,
Я более довериться готов,
Чем формулам учёных астрономов.

Ведь наша им неведома звезда,
Которая угасла навсегда.

В стиле ретро

Когда задёрнут занавес заката,
Показывает память, как в кино,
Того, кто на Амуре был солдатом,
На Волге с речниками пил вино,
Учил детей в провинциальной школе,
Носил значки, как будто ордена,
И был не из последних в комсомоле,
И верил в то, что родина – одна.

Он не привык и не умел сдаваться,
Всегда готов из храма гнать менял.
Жаль, поздно научился целоваться,
Чем сверстниц несказанно удивлял.
Он торопился жить – скорей, скорее! –
Как с ледяной горы, летел, скользя.
К тому же оказался он евреем,
И это было изменить нельзя.

А век гремел на площади парадом,
Вождей меняя в зеркале кривом.
И женщины ложились, как снаряды,
Всё ближе – в полном блеске боевом.
Придётся помотаться по планете,
Чтобы понять, спустя немало лет,
Что жизни смысл – не женщины, а дети,
Другого смысла, может быть, и нет.

Смотреть назад – недобрая примета,
Но он и Вечность – давние друзья.
К тому же оказался он поэтом,
И это было изменить нельзя.
Уж не надеясь выбиться в герои,
Вдруг осознал, прощаясь со страной,
Что жизнь бывает не одна порою,
А родины – и вовсе ни одной.

Когда-то он хотел быть капитаном,
Мечтал объехать сотни дальних стран
И переплыть четыре океана,
Но время сносит в пятый океан,
Которого совсем на карте нету,
Раскинутый не в ширь, а в глубину –
Тот океан, куда впадает Лета
И гонит Стикс тяжёлую волну.

Елене

Нахлынет мимолётное прозреньё
На нас двоих в один и тот же час,
И мы поймём: Всевышний любит нас,
Ведь мы Его не худшие творенья.

И нам простятся наши заблужденья,
Так ранее прощались всякий раз
Любовникам – любая из проказ,
А школьникам – запретное куренье.

У нас ещё есть шанс на Божью милость,
А если даже что-то не случилось,
То это не конец, а только сбой.

И снег порою выпадает летом!
Но очень важно понимать при этом,
Что мы совсем не властны над судьбой.

Пришла пора решать

Анне Людвиг

Пока крутились мы в водовороте дел,
Стремясь увидеть дно бездонного колодца,
От яблока судьбы весомый кус отъел
Прожорливый червяк, что временем зовётся.

Похоже, что на жизнь придётся поднажать,
Покуда нам с тобой Танатос дал отсрочку.
Не надо выбирать, в какой земле лежать,
Достойней понимать, когда поставить точку.

Пришла пора решать не на „авось“, не „вдруг“,
Отмеривать слова ответственной и строже,
И сердце не беречь от горечи разлук,
И двинуть от души по негодяйской роже.

И если надо плыть за горизонт опять,
Предложит хитрый рок шторма ли, глубину ли:
Ведь это не для нас – на отмели стоять,
О, только бы друзья так часто не тонули.

Пусть пьяный „патриот“ с утра орёт: „Ура!“,
Равняя нашу жизнь с ценой дорожной пыли,
Но мы горды не тем, что плавать мастера,
А тем, что никого другого не топили.

Под уклон идёт дорога –
Видно, жребий мой таков,
Но гоню я от порога
Всех гадалок и волхвов.

Может, снова настрадаюсь,
Только это наперёд
Не предскажет Нострадамус,
А предскажет – так соврёт.

Ибо Тот, кто гасит свечи,
Кем измерена вина –
Не прислушается к речи,
Не заглянет в письмамена.

Наказуя и врачуя,
Он своё воздаст всегда.
А людского не хочу я
Оправданья и суда.

Жестокий романс

Нет, поздно оптимистом становиться,
Кина не будет – кончилось кино.
Вокруг тебя снуют такие... лица,
Что сердце кошкам отдано давно.

Три четверти отпущенного срока
По малым каплям утекли в песок.
Жестоко? Ну, конечно же, жестоко,
Но ведь и ты бывал порой жесток.

Дорога – не паркет, она – дорога,
С колючками и сорною травой.
И не тревожь мольбой напрасной Бога:
Таких, как ты, до чёрта у Него.

Все песни про любовь уже пропеты,
И про здоровье тоже не свисти.
Ты ж сам орал: „Карету мне, карету!“ –
Карета „Скорой помощи“ в пути.

Автореквием

Паду ли я, стрелой пронзённый,
Пропью ли насмерть свой талант? –
Пусть марш погромче похоронный
Сыграет старый музыкант.

Увы, но почестей обильных
Не заслужил я, ной не ной,
И комиссары в шлемах пыльных
Склонятся вряд ли надо мной.

Не суйте же в колёса палки,
Уймите в чреслах ваших зуд,
Когда на старенькой каталке
Меня до морга подвезут.

И всем откроется тогда там
Тьма неожиданных вещей...
А вот патологоанатом
Не носит шлема вообще.

Над чем смеёшься ты, дружок,
За бодрым смехом скрыв рыданье?
Оно не так уж и свежо,
Твоё полночное преданье,
И катастрофою пока
Стать не успело, хоть на грани.
Ещё дрожит твоя рука,
И льдинки прыгают в стакане,
Как воробьи по проводам,
И темнота сомненья множит,
И грозный шёпот: „Аз воздам!“
Приемлешь не на слух, а кожей.
Ты, как безумный звездочёт,
Ошибся на одну планету,
И что-то в жизни ждёшь ещё,
Когда и жизни больше нету.

Фантазия

А давай-ка придумаем разное –
Что пути все усыпаны розами,
Доктора накололись с диагнозом,
А гадалки наврали с прогнозами.

Мы пройдемся дорогами птичьими,
Аки посуху, по небу шествуя,
Будем счастливы до неприличия,
До упаду и до сумасшествия.

Ночью в гости ворвёмся непрошено,
Чтобы пить и творить безобразия.
...Ну скажи мне, родная, хорошая,
Что вчерашняя смерть – лишь фантазия...

Я обиды забываю,
Поднимаю паруса –
Убываю, убываю,
Уплываю в небеса.

Где за облаком конечным
Уготован мне приют,
И о вечном, и о вечном
Птицы Божии поют.

Нам обещано по вере –
Высоту иль пустоту.
Видишь двери, видишь двери,
Да крылатый на посту.

Ощущение потери
На прощальном вираже:
Видишь двери, видишь двери,
А войти нельзя уже.

Расставались как попало,
Дорогая, не грусти.
А душа уже пропала,
Затерялась в небеси.

Монолог Кая

Да что же это делается, братцы? –
Как рано душу леденит усталость,
Уже не в силах весело смеяться,
Спасибо, хоть ирония осталась.

А помню, как тащили вверх салазки –
Крутой подъём казался пустяковым,
И верил я тогда в любые сказки,
Вверяя счастье сломанным подковам.

Мечтал: „Коль полюблю – то королеву!“
Сбылось: я полюбил, но – ледяную,
И чувствую, как холодеет слева,
И до весны едва ли дотяну я.

Ну вот и получили, что хотели –
Теперь куда нам друг от друга деться?
На брачной остывающей постели
Так зябко, что вовеки не согреться.

Ведь даже по ночам одно и то же,
Когда уж и постель – без интереса,
Когда объятье – как мороз по коже...
Но подрастает снежная принцесса.

А Герда – та на всё со мной готова,
Опять сулит любовь и тёплый дом мне.
...Из льдинок я выкладываю слово,
Но вот какое – я уже не помню...

Мастер и тени

Где бал шумел, там нынче правят тени:
Он, прежний, – рядом с женщиной нагой,
Что перед ним вставала на колени,
Смеялась, пела и звалась Марго.

Там пудель – набалдашником на трости,
Там из фонтана бьющее вино,
Беспечные танцующие гости,
Что умерли уже давным-давно...

Всё было, было – и почти забыто.
Он стар и болен, и чертовски пьян.
Когда вернулась к мужу Маргарита,
Недрогнувшей рукой он сжёг роман.

И плакал над судьбиною земною,
Ругался отвратительно и зло
И видел, как становится золою
Всё, что сулило радость и тепло.

Придётся заплатить за прегрешенья,
Как и за то, что слишком много знал.
Повторного не будет приглашенья
Ни в прошлое, ни к Воланду на бал.

Не долг срок – и призовет к ответу
Неведомый, кто полночи черней...
Наивные пускай стремятся к свету,
Но света не бывает без теней.

Вершина

И вовсе не дура – твоя губа,
И горе – не от ума,
Сломить тебя не смогла судьба,
Ты сам судьбу поломал.

И держишь осколок её в руках
(От тяжести – дрожь колен),
И видишь: что было – лишь тлен и прах,
А будет – лишь прах и тлен.

Но ты ведь пятиться не привык,
Пред памятью не срамишь.
Ты в гору шагал, вершины достиг –
Осталось лишь прыгнуть вниз.

Никуда

Не к лицу паникёрство мужчинам,
Но не будем темнить, господа:
Не подняться нам к светлым вершинам,
Нам остался лишь спуск в Никуда.

Что же тешить себя ерундою
И, как дерево, плыть по воде,
Если не разойтись с Никудою,
Если по уши мы в Никуде?

Не отвечу, с кем спустимся вместе,
Как планирует каждый живой:
Это райский приют многоместен,
В Никуда – путь для каждого свой.

Пусть ревнители в рвении строгом
Воздевают персты свои ввысь,
Если кто возомнил себя Богом –
Тот о Чаше уже не молись.

В то, что мёртвым не больно – не верьте,
Даже если в запасе века...
А бывает ли смерть после смерти –
Я про это не знаю пока.

А кукушка улетела из часов,
Чтобы жить в лесу меж зябликов и сов.

Умываться утром капелькой росы
И не думать про минуты и часы.

Обо мне хотя и вспомнит иногда,
Не торопится считать мои года.

Сколько там еще осталось на веку?
Вдруг не хватит на короткое „ку-ку“ ...

Стансы

Когда моя падучая звезда
Забьётся, налетев на провода,
Откель уже никто её не снимет,
То не спасут ни ангел и ни бес –
Полягут все на глубине небес,
На самом дне. И я, конечно, с ними.

В ночных мирах и круговерти дня
Кто там захочет поминать меня
И вспоминать, что должен божеству я
Свою любовь? Она не задалась
И потеряла надо мною власть,
Не проклиная и не торжествуя.

Да и кому потребно лить елей,
Скорбя о том, кто не был всех милей,
Любителе неких вин и басен?
Не зря же говорил один шутник,
Что Гудвин недостаточно велик,
Поскольку недостаточно ужасен.

Я сам-то иногда жалею тех,
Которые, пернатым для потех
И прихотям в угоду человечим,
По горло были вбиты в пьедестал.
Но для меня час этот не настал
И не настанет: мне хвалиться нечем.

А просто, на лету глотнувши льда,
Закашлялась в тиши моя звезда
(Ведь и у них случается простуда)
И сбилась с курса в дебрях января,
Впотьмах свой путь сомнительный торя,
Извечный: в никуда из ниоткуда.

Сримаса Незаса

Пародии

Тайна вклада

*Прошу тебя, возьми меня займы
У листьев октября, у сонных улиц,
У мёртвых пчёл, покинувших свой улей,
Стеклянных глаз разбуженной зимы,*

*У тех людей, чей разум потерял
Опору для идей и рассуждений...*

Ольга Олгерт

Пожалуйста, возьми меня в залог!
И ссуду выдай под меня большую,
Какой угодно вексель подпишу я,
Причём согласна на короткий срок.

И очень скоро, милый, ты поймёшь,
Что я вполне пригодна для вложений:
Без всяких там идей и рассуждений
Назад меня с процентами вернёшь!

Пусть даже ты стихи мои прочёл,
Не сомневайся: в займах – разумею,
А как я отдавать долги умею,
Узнать ты можешь... хоть у мёртвых пчёл.

Кем быть?

*Шёпот слышится поэту
Из-за левого плеча:
Постреляй из арбалета
Вместе с Жанной в англичан!*

.....
*Пьянствуй с По, воруй с Вийоном,
Мни девчонок с Львом Толстым...*

Арсений Платт

Говорила Жанна – Сене:
– Пей, как Мусоргский, вино,
Стань Бутусовым – на сцене,
Достоевским – в казино.

Как Обама, будь ты чёрный,
Как Ван Гог, сойди с ума,
Будь учён, как кот учёный,
Порти девок, как Дюма.

Будь таким же бородатым,
Как Толстой, чего уж тут...
Кем угодно, но не Платтом:
Англичане засмеют.

Письмо с Чукотки

*Чем насолили дети льдистых прерий
рязанцам, омичам и москвичам,
что кинулись те, точно злые звери,
притисывать всю глупость лишь чукчам?*

.....
*Как дух шамана любит кожу бубна,
так мать твою любил и я порой.*

.....
*Расстояние от Мэ до Жо
не проползти, не проплыть, не пройти...*

Сергей Горский

Серёга! Глупым домыслам не веря,
ты пристыдил ехидных москвичей,
накинувшихся, точно злые звери,
на беззащитных маленьких чукчей.

Теперь в яранге каждая собака
читает, как любил ты чью-то мать.
Хотим мы дать совет тебе, однако,
чтоб лыжи снял, когда пойдёшь в кровать.

С тобой нам не страшны ни зверь, ни туча,
от Мэ до Жо открыты все пути.
Приедь, Сергей, ведь ты умён, как чукча,
умнее в нашей тундре не найти.

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

*Человек не может жить инстинктами,
Человек на то и человек.*

.....
*Пусть любовь начнётся, но не с тела,
А с души, вы слышите – с души!*

Эдуард Асадов

Ты сегодня что-то слишком смело
Положила руки мне на грудь.
Пусть любовь начнётся, но не с тела,
А не то уеду – и забудь.

В глушь, в Саратов, заживу один там,
Всё твоя навязчивость виной.
Человек не может жить инстинктом,
Даже если он и основной.

Ах, какое мелкое коварство:
Я ей – о душе, а ей – „хи-хи“,
От инстинкта, говорит, лекарство –
Перед сном читать мои стихи.

Бордо и Виардо

*Розы тёмные цвета бордо
Носят траур от прошлых обид.
Я, увы, не твоя Виардо,
И мой голос с надрывом хрипит.*

Наталья Лепетюха

Хриплый голос срывается в крик,
Но признаюсь тебе, не тая:
Я, увы, не твоя Лиля Брик,
Айседора – и то не твоя.
В громкий бубен, в литавры ли бей,
Или с горя кури анашу –
Анной Керн я не стала твоей
И поэтому траур ношу.
Уроню со стихами тетрадь
В зелень тёмную цвета травы:
Даже Софьей Андреевной стать
Для тебя не дано мне, увы!
Допила я бутылку бордо,
Ты в бокал мой шартреза налей.
Я, увы, не твоя Виардо, –
Стала я Лепетюхой твоей!

Познание мира

*Вдруг солнца луч откуда-то с небес,
Всё небо серо, но, а он же есть!
Вот это да! Бывает же такое,
Стою под солнцем и ни где-то, здесь!*

Валерий Ших

Вдруг ветерок мне дунул прямо в нос.
Вот это да! Откуда – не вопрос:
Он, вероятно, северный, об этом
Я догадался сразу, как подрост.

Потом в окне проклюнулась луна,
Такая наверху всего одна!
Не устаю теперь я удивляться:
Вокруг темно, а светится она!

Вот и Земля, мне люди говорят,
Кругла, и это знает детский сад.
Какой сюрприз! А я-то был уверен
В том, что она похожа на квадрат!

Тут что-то, что имеет цвет и вес,
На голову мне капнуло с небес,
И через три часа сообразил я:
Да это птичка пролетала здесь!

Знакомое насекомое

*Залетает в форточку слабенький ветер с оста...
Как всегда, кабинет и кухня, маршрут рутинный...
Хорошо в окруженье стен, хорошо и просто.
Я паук в эпицентре собственной паутины...
.....
Хорошо в окруженье стен, хорошо и книги...*

Александр Габриэль

Залетает в окно так рутинно ко мне торнадо...
Или, скажем, тайфун с веста домик мой обдувает...
Был вчера пауком я, а нынче стать мухой надо,
В эпицентре стола посижу, напишу слова я...

Хорошо в окруженье стен, хорошо и сыто.
Тут и книги, на их корешки мне взирать не грустно –
Ведь со вторника по четверг я служил термитом
И попробовал их на вкус, и решил, что вкусно.

Не имеет причины грустить над земной юдолью
Тот, кто может махнуть крылом или дёрнуть лапой,
Становясь то весёлой и лёгкой молью,
То солидным жуком проползая под медной лампой.

Вот опять мимо стен я маршрутом иду знакомым,
Если чем озадачен, то только одним вопросом:
Вдруг жена не узнает в обличии насекомом
И мой путь оборвёт опрометчиво дихлофосом?

Клизма от идиотизма

*На скотобазе не до книг,
Но вятен Пушкина язык –
Там буря мглою небо кроет,
А тут корову кроет бык.*

.....
*Афанасий Афанасьевич Фет,
Я и вас пригласил бы в буфет*

.....
*Игнорируя ложный стыд,
На еврейку всегда стоит
Безотказно, а это значит –
Ибрагим не антисемит.*

.....
Клизмы нету от идиотизма...

Роберт Винонен.
„Рубай от Ибрагима“

Мне приснился на старости лет
Подступающий с клизмой Фет,
Я – бежать, а в дверях гневный Пушкин
Встал, дуэльный держа пистолет.

„Будь ты хоть Ибрагим, хоть Абрам, –
Он вскричал, – а глумиться не дам!“
Зверем взвыл я, заплакал дитятей,
Хоть оно мне и не по годам.

Ложный сразу отбросил я стыд –
Ведь пристрелит же, антисемит! –
Сиганул я в окно... неудачно,
И с тех пор у меня не стоит...

А может, зря?

*Недолгим будет, знаю, лето –
я осень чувствую в ноздрях,
когда дожди крапятся слепю,
и кто-то говорит: не зря.*

Камилла Вишневская

Снега летались. Средним ухом
я догадалась, что зима,
она подкрадывалась глухо
через поля, леса, дома...

Овсы цвелись, коза лягалась,
я пробуждалась ото сна,
моей ноздре уже казалось,
что наконец пришлась весна.

Но осень вилы мне вонзила
(куда – я лучше промолчу),
и с плачем: „Не рифмуй, Камила!“
крапился дождик по плечу...

Птичку жалко

*Ты меня затопчешь по привычке –
Ты ж на то и кочет, ё-моё!
Не спасись ни птичнице, ни птичке,
Под угрозой даже вороньё!*

.....
Творчески тебе открою дверь я...

.....
*Соблазни меня со страшной силой,
Сплин висящий в дело примени!*

Алёна Сократова

Распахну курятник среди ночи,
Мне не страшен даже лисий зуб.
Кочет третий день меня не хочет,
Прямо хоть ложись – и сразу в суп.

Вот сажу печально на насесте,
А в душе – лишь только он один,
Как бы мы могли кудахтать вместе,
Если пустит в дело... этот... сплин.

Ё-моё, исчезло вдохновенье,
Ночь темна, и не видать ни зги.
Я ему прочла стихотворенье,
Он мне крикнул: „Не топчи мозги!“

Не пуцу!

*Окна открою и ветер впущу,
Пусть будет сыро и зябко!
Я тебя больше не отпущу,
Чувства сгребаю в охапку.*

.....
*Роскошь объятий, мягкость перин,
Быстро расстаться нет шансов!
Ты не волнуйся и не спеши,
Да и потом не печалься!*

Надежда Цветкова

Вздумал уйти? До чего ж ты неправ!
Сыро на воле и зябко.
Я, к батарее тебя приковав,
Чувства сгребаю в охапку.

Если же ночью захочешь пи-пи
Или же что-то поболе –
Дудки, любимый, сиди на цепи,
Чем тебе плохо в неволе?

Ты не спеши, не волнуйся, остынь,
Ногу привяжем к кровати.
Не гарантирую мягкость перин,
Только лишь роскошь объятий.

Вот я сейчас принесу тебе пить –
Я же не злая собака...
...Как он наручник сумел отцепить?!
Не понимаю, однако!

Недомысленный

*Уступая небу в выси,
Солнцу в свете, ночи в сне,
Я себя слегка домыслил,
Чтобы сделать постранней.*

Арсений Платт

Я проснулся очень странным:
Уши – в сажень, нос – трубой,
На наречье иностранном
Изъяснялся сам с собой.

В кашалота вышел брюхом,
И с душою дорогой
Почесать за правым ухом
Мог я левою ногой.

Кто за высь меня осудит,
Тот завистник, жлоб и хам!
Думал: не узнают люди...
Но узнали. По стихам.

Тёмная ночь

*Уж пятый день декабрьская ночь
Темна, как у Юдифи намерёнья.
И я не знаю, чем могу помочь –
Наверно, напишу стихотворенье.*

Театр – жизнь, и каждый тут актёр...

Замкнут периметр и некуда бежать...

Татьяна Грин

.....
Весь мир – театр.

В нём женщины, мужчины – все актёры.

Уильям Шекспир

Уж пятый день в декабрьскую ночь
Поляки еле шевелят усами,
И я не знаю, чем смогу помочь:
Злой умысел имел Иван Сусанин.

Ещё один я помню чёрный план,
Достойный моего стихотворенья:
У англичан взят с боем Орлеан,
И это было Жанны намеренье.

В недобрый, хоть и отдалённый, год
Юдифь вела себя и вовсе скверно:
Решив спасти совсем не тот народ,
Она впотьмах убила Олоферна.

Увы, несовершенен этот мир,
Замкнут периметр, время ставить точку.
Но всех гнуснее поступил Шекспир,
Что у Татьяны Грин испортил строчку!

Просто народное

*Жизнь какая-то... с выкрутасами...
То одно, то второе, то... глупое.
То общаюсь с прохожими стансами,
то глазами слезливыми лупаю.
Вдругорядь заведу песню русскую,
завлеку одноразово в массовость...*

Алексей Абашин

Жизнь какая-то... с прибабахами...
Ходят люди с нетрезвыми рожами...
Я сонеты сейчас забабахая,
чтоб общаться в деревне с прохожими.
А веду себя вовсе не глупо я,
потешаюсь, как Русь над Европою:
то глазами слезливыми лупаю,
то ушами обвислыми хлопаю.
За кусты заведу красну девицу –
завлеку одноразово... в массовость,
стих прочту ей... куда ж она денется? –
будет в такт мне ещё и приплясывать.
Никогда не робел я с девчатами,
чтоб на радостях охали-ахали...

А по морде мне зря припечатали:
кто же знал, что придёт она с хахалем?

Гримаса Пегаса

*Мы, актёры, что кони:
повезёт – повезём!*

.....

*Ваша правда, коллега,
мы живём в табуне.
Наша жизнь – для забега
при хлысте и ремне.*

Владимир Рецетер

Без прикрас разобраться –
мы в загоне живём.
Все мы лошади, братцы,
все овсянку жуём.

Что мне чьи-то подначки,
если сбруя на мне?
Я мечтаю о скачке,
как мой круп – о ремне.

Сразу после забега
у меня выходной.
...А Пегас, мой коллега,
тихо ржёт надо мной.

Сидит поэт

*Томимый тягостью седин,
Но столь же мягкий и любезный,
Как всякий не-простолюдин,
Сидел поэт у края бездны.*

*Но, как безграмотный плебей,
Он вырывал из книг страницы...*

Василий Чесноков

Томимый резью в животе,
Съев на обед сосиску в тесте,
При всей душевной широте,
Сидит поэт, невольник чести.

Он не безграмотный плебей,
Его вы не судите строго,
Но очень нужно, хоть убей,
Поэту посидеть немного.

Не ищет в бурях он покой,
Хоть и краснеет, как девица.
Поэт недрогнувшей рукой
Из книжки вырвал две страницы.

Не зря он сборник свой припас,
Он зрел и искушён судьбою...
Вот он поднимется сейчас
И спустит воду за собою.

Героическая симфония

*Я русским создан волею небес!
Красив душой и внешне – в фас и профиль...*

*.....
Топил в Дону Мамаеву орду...*

*.....
С Петром Великим пил побед вино.
С Суворовым был Чёртов мост не страшен.
С Кутузовым стоял в Бородино,
А с Жуковым не сдал Кремлёвских башен.*

*.....
Я в книгах ел истории шрапнель,
Шёл бечевой вдоль Волги без рубахи,
Мне Гоголь шил Акакия шинель,
А Пушкин просвещал: «Здесь Русью пахнет».*

*.....
Мне создавал пейзажи Левитан,
Симфонии и оперы – Чайковский...*

Николай Морозов

Однажды Пушкин Гоголя спросил:
„Ты любишь ли, Васильич, с пивом раков?
Вот Левитан их очень любил,
Хотя из этих был... из исааков.

Да я и сам по прадеду – арап,
А матушка твоя – аль не хохлушка?
Ещё бы к нам Морозова сюда б,
Он тоже – русский... Няня, где же кружка?“

Ему ответил автор „Мёртвых душ“:
„Не трожь его – Морозов делом занят:
С Кутузовым французов бьёт, к тому ж
В тылу Мамаю лихо партизанит.

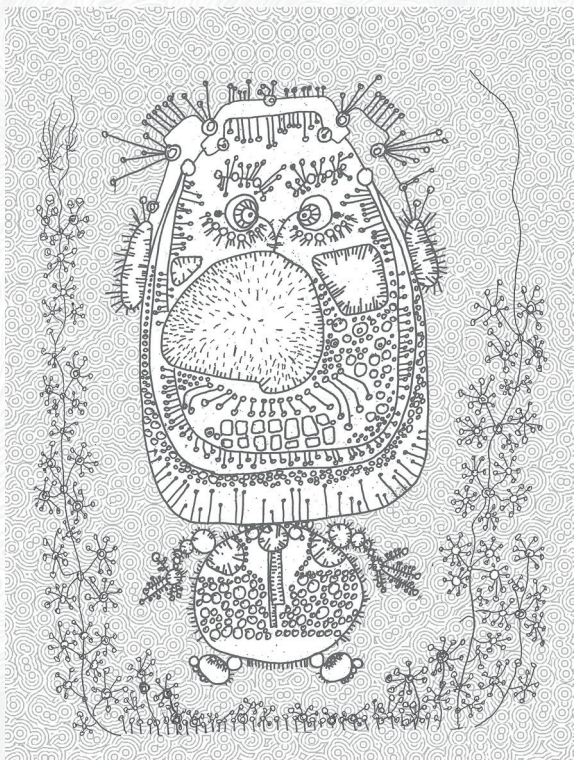
Ещё – по Волге тянет он баржу,
Ему Великий Пётр обязан славой,
Грозил Морозов: „Профиль покажу!“ –
И шведы дали дёру под Полтавой.

Его способным был учеником
Лев Николаич, классик бородатый.
К Чайковскому он хаживал тайком:
Учил, как надо сочинять сонаты.

Герой небесным воинством храним...“
Тут нянечка вмешалась: „Да, не даром
Наполеон в одной палате с ним
И два врача с дежурным санитаром!“

МЕЛОЧЬ РОССЫНЬЮ

Шуточные миниатюры

1. Былое и дамы

Только для мужчин

Кто ждал от женщины добра,
Тому вовек не стать пророком:
Она – из нашего ребра
И нам всегда выходит боком.

Лекарство от любви

Любовью болен? Се ля ви.
Но знай, коль не дурак:
Ничто не лечит от любви
Надёжнее, чем брак.

Серебряная свадьба

Да, четверть века с мужем – это сила,
Но скажут криминальные умы,
Что если б сразу ты его убила –
Уже давно бы вышла из тюрьмы.

Устами младенца

Я могу за хвост подёргать Рэкса,
Прыгнуть в лужу, плюнуть в тётю Свету...
А у бедных взрослых, кроме секса,
Развлечений, вроде, больше нету.

Цепи Гименея

В браке быстро я умнею
И давно мечтаю, что
Мне тому бы Гименею
Той же цепью в тот же лоб...

Семейное положение

То, что я женат – скрывать не стану
И могу признаться, не тая:
У меня семь жён (под стать султану!) –
Шесть чужих и плюс одна своя.

Весенняя ностальгия

Где вы, где вы, весёлые ночки?
Где объятья молодых Афродит?
По весне распускаются почки...
А в печёнках супруга сидит.

Гораздо легче

Мужики, я сейчас сказану,
В чём основа семейной науки:
Всё же легче погладить жену,
Чем самим гладить галстук и брюки.

Два женских аргумента

Давай забудем лишние слова,
Что языком трепать, не уставая?
Во-первых, я, конечно же, права,
А во-вторых... опять-таки, права я.

Вопрос ребром

Спрошу читателя как друга
По поводу семьи и брака:
Ну почему из двух супругов
Одна всегда такая бяка?!

Что выросло, то выросло

От женщины пьянеем без вина,
Но, как её в объятиях ни тискай –
Когда в семье всего одна жена,
То часто вырастает эгоисткой.

Лирическое

Той ночью, на исходе лета,
Луна искрилась в небесах,
А мы совсем легко одеты:
Она – в серёжках, я – в часах.

А что развод?

А что развод? Всё та же канитель!
Живём-то ведь пока что не на небе.
Сначала мы делили с ней постель,
Теперь взялись за остальную мебель...

Се ля ви

Противоречий жизнь полна,
Хоть и мутузит нас под дых:
Как от него ушла жена –
Не ел, не спал... А жрал и дрых!

Верность заветам

Учили деды в старину:
Не надо трудности копить,
Кто прокормить не смог жену –
Пускай попробует пропить.

Депрессивное

Мой путь тернист, не ровен и не светел,
Готов завью и водку пить стаканами:
Я девушку с изюминкой не встретил,
Мне попадались только с тараканами.

О пользе совместных поездок

Побывали мы в Париже
И в Берлине побывали.
Я узнал её поближе –
И послал её подале.

Деревня, где скучал не гений

Деревню, что мила поэту,
Я этим летом посетил.
Жаль, крепостных крестьянок нету –
Уж я бы их раскрепостил...

Ну разве не лучше?

Много поговорок смог узнать я,
Но едва ли буду одинок,
Ежели скажу: швея без платья –
Лучше, чем сапожник без сапог.

Сила чувства

Я вместе с ней живу, считай, сто лет,
Да что там сто, пожалуй, целых двести!
Что это – чувство, в том сомнений нет...
Хотя, всего скорее, – чувство мести.

Любовь до гроба

Уже ни жара, ни озноба,
Восторги вянут, страсти тают,
Но шансы на любовь до гроба
С годами сильно возрастают.

Во сне

Порадовать может порою пустяк –
Известно доподлинно мне.
Женатому снилось, что он холостяк,
И он улыбался во сне.

По поводу одной отговорки

Супружеские знаю я права,
Не принимай меня за идиота,
А не болит у дятла голова,
Да только с дятлом – как-то неохота...

Сожгли, да не всех

Откуда только взялся ложный слух,
Что ведьм не стало триста лет назад?
Я и сегодня знаю целых двух,
При этом на одной из них женат.

Пожелание

Прости меня за каламбур,
Но я мужчина правил строгих:
Не предлагай мне полных дур –
Лишь стройных дур и длинноногих!

Приходится признать

Мы с годами вовсе не умнеем,
Как подростки, пялимся на лица:
От красивой женщины – пьянеем,
С некрасивой – хочется напиться.

Чем больше женщину мы любим...

Хоть у японцев, хоть на Кубе,
Хоть в нашей северной стране –
Чем больше женщину мы любим,
Тем чаще дома вре́м жене.

Приписывается Вронскому

Вам о замужних женщинах скажу я,
Чтоб стало всем и каждому понятно:
Нетрудно увести жену чужую,
Куда трудней вернуть её обратно.

Если друг оказался вдруг...

Друзья наши с юности и до погоста
Порою несхожи, как осень и лето,
Но в женщине друга увидеть непросто...
Особенно если она не одета.

Как мы дружим

Не надо повод подменять причиной,
И ты поймёшь на уровне рефлекса,
Что дружба между дамой и мужчиной
Бывает после дружеского секса.

С голодухи

Пусть внутри я примитив и мужлан,
Но на секс смотрю я как на еду:
Не зовёте в дорогой ресторан? –
Ладно, я тогда в „Макдональдс“ пойду.

Не о возрасте

Не спрашивай у дамы – сколько лет,
А кто не в курсе, тем готов признаться я,
Что возраста совсем у женщин нет,
Но есть износ и есть амортизация.

Коленонепреклонное

Вопрос совсем не в чёрствости и лени,
Не в том, что я чурбан и троглодит,
Но трудно пасть перед дамой на колени,
Когда она уже на них сидит.

В поисках пары

Ты, вроде, пока что не старый,
Так что ж до сих пор не с женой?
Не можешь найти себе пару?
Да ладно, женись на одной!

Послесвадебное

Пусть не помогут уже сноровка
И мудрость, источенная до дыр,
Но если захлопнулась мышеловка,
То надо хотя бы докусать сыр.

Сварливой жене

Твой муж других мужей ничем не хуже,
Упрёками не надо портить речь.
Хотела обеспеченного мужа?
Так не вопрос! Возьми и обеспечь.

Об усмешках Фортуны

Не всё сложилось так, как мы хотели,
А большей частью всё наоборот:
Один женат на женщине-модели,
Другой – с моделью женщины живёт.

Полуночное

Пока с тобой тут словоблудим,
Я опоздаю на трамвай,
Поэтому, давай не будем...
А если будем, то давай!

Предраcсветное

Так ведётся испокон веков,
И потомкам тоже с этим жить:
С девушкой отужинать – легко,
А вот завтрак надо заслужить.

Гамарджоба, генацвале!

Русской дамы хитрая природа
Обманула даже Автандила:
Он дарил ей средства для ухода,
Но она никак не уходила.

Не надо бояться!

Когда ты не в ладах с культурой
И с головой ведёшь бои,
То не страшись казаться душой,
Взгляни: кругом же все свои!

После парикмахерской

Причёска не вызовет шок,
Напротив: удачна на диво.
Одна голова – хорошо!
Вот две головы – некрасиво...

На вкус и цвет...

Подружка злословит про твой наряд?
Другая над стрижкой готова ржать?
Бессмысленно нравиться всем подряд,
Кого-то же надо и раздражать!

Богатые тоже платят

Я видел жизнь, и вывод мой таков:
Как олигарха из себя ни корчи –
Большие деньги портят мужиков...
Но жёны с них снимают эту порчу.

Пора зрелости

Вступаю, наконец, в свои права я
И набираюсь зрелого ума:
Я женщину уже не раздеваю,
А жду, пока разденется сама.

А счастье было так возможно!

Как жаль, что рот раскрыла ты
И начала жевать мочало.
До женщины моей мечты
Всего чуть-чуть не домолчала...

Махнём, не глядя...

Чтоб не жить с подругой в споре
И сберечь ночной покой,
Я готов махнуть на море.
Хоть сейчас. Махнуть рукой...

Ещё упрямее

Для истины удача, что не дама я
И в спорах не валяю дурака.
Кто выдумал, что факты – вещь упрямая,
Тот женщин видел лишь издалека.

Виртуальный роман

Ещё недавно в виртуале
Они друг друга целовали,
Потом ушла она в реал,
Чем он сражён был наповал.

Иная реальность

Точно не помрём со скуки
Мы в реальности иной:
Властью, данной мне в Фэйсбуке,
Объявляю Вас женой!

Частушка

Дайте парус кораблю,
Дураку – извилин.
Пятый раз тебя люблю –
Я любвеобилен!

И ничего, кроме...

Покаяньем женщин не тревожь,
Гнев их может рушить города.
Женщина простит плохую ложь,
Но плохую правду – никогда.

Обидно, да?

Ах, обидно даже,
Но и впрямь, похоже,
Сердцу не прикажешь...
(Жопе, впрочем, тоже).

Прощальное

Расстаёмся навек, память в сердце своём сберегу,
Но тебе никогда не придётся назвать меня милым.
Слишком ты холодна, я тебя полюбить не смогу!
Потому что не каждый мужчина рождён некрофилом.

Вот такая арифметика

Я объездил немало сторонков –
Всюду лип к языку русский мат,
Потому что на десять девчонок,
По статистике, девять тупят.

Ей не дано предугадать...

Как только о будущем дама пророчит,
Скорей валерьянкой её успокой:
Ведь редкая женщина знает, что хочет,
Но даже и эта не знает – на кой?..

Противоожоговое

Женщинам русских селений

Женщин я попрошу принародно,
Чтоб не знали ожогов они:
Жеребца на скаку – как угодно,
Но в горящую избу – ни-ни!

Ода настоящему мужчине

Мужчина никогда не унывает,
Не станет ни скулить, ни голосить.
Невыносимых женщин не бывает!
(Но надо знать, куда их выносить).

О тяге к прекрасному

Так было, так есть и так будет потом,
От Африки до Канатопа:
Под самым красивым павлиньим хвостом –
Простая куриная жопа.

Если хочется, то можно

В любом краю, как ни зови его,
В России ли, в Германии ли, в Польше –
Но хочется всем бабам одного...
А некоторым двух и даже больше.

Женский склад

Так расхвалила ты себя сама,
Что мне уже становится неловко.
Зачем твердишь про „женский склад ума“?
Какой там склад! Да максимум – кладовка...

Тайна, покрытая...

Тверди себе неустанно
Весь день и ночами даже,
Что женщина – это тайна,
Покрытая... макияжем.

Разговорчивой даме

Красиво говорить – искусство,
Но в этом тоже знай ты меру.
Ведь есть и у мужчины чувства!
Ну, чувство голода, к примеру...

Проверка зрения

Когда блондинка вышла от глазного,
Был у неё весьма печальный вид.
– Что окулист сказал тебе такого?!
– Сказал, чтоб я учила алфавит!

В магазине

Такой красотки не видал я прежде,
Готов был ей навеки сдаться в плен.
Какая грудь! Улыбка! Стиль в одежде!
Но оказалось, это – манекен.

Ностальгическое

Такая нынче се ля ви –
Уходят годы без возврата,
Всё реже гредишь о любви,
Всё чаще хочется разврата...

Если у вас нету тётки...

В свой кошелёк угрюмо глядя,
Он так подумал о работе:
„Когда работаешь на дядю –
Не зарабатываешь на тётю!“

Любимая и дорогая

Прекрасна ты, ну не пройду же мимо я
И не проеду, зенками моргая.
Сначала я решил, что ты – любимая,
А после подсчитал, что – дорогая.

Плач Ярославны

Ой, на сердце стужа,
Ой, за что мне это?
Потеряла мужа
В дебрях интернета.

Полезные советы

В жизни семейной бывает несладко,
Кто с депрессухой сейчас не знаком?
Нет настроенья? Пожуй шоколадку!
Не помогает? Запей коньяком!

Гендерное

Не скрыт ли в женском имени
Бессмертия секрет?
Вот ящеры все вымерли,
А ящерицы – нет!

Воспитанная дама

Я помню, что терпимой быть должна,
И что ругаться не пристало тёте.
Не стану говорить: „Пошёл ты на...“;
А так скажу: „Вы далеко пойдёте...“

Женское гастрономическое

Пусть юные на эту шутят тему,
Но в зрелости сказать не премину:
Завоевать мужчину – не проблема,
Проблема прокормить его в плену.

Астрономическое

Одна планета есть, на ней
Веселье и уют,
Там девушки хотят парней,
А те им не дают.

Молитва

В молитве он твердил одно и то же,
Хоть верилось не очень самому:
„Даруй ей мозг, Всемилостивый Боже!
И приложи инструкцию к нему“.

Дважды неудачник

Специалист по части брачной
Поведал горестный секрет:
Женат два раза, неудачно:
Одна ушла, другая – нет.

На дорожку

Я никого насильно не держу
И даже стал уступчивей немножко.
Мне женщина сказала: „Ухожу!“ –
Я предложил: „Приляжем на дорожку?“

Что мне нравится

Я с собою лукавить не стану,
Вывел грустную формулу сам уже:
Что мне нравится – не по карману,
Не по возрасту или же замужем.

Генетическое

Разбирайтесь с генетикой сами,
Это ж можно гадать без конца...
Мальчик Мойша был русский по маме
И татарин по другу отца.

О праведных

Не все вокруг живут в грехе и блуде –
Встречаются и праведные люди,
Причём, не так уж мало их в итоге!
(Так думал я, читая некрологи).

2. Былое без дам

Если оглянуться...

Ямы, пробелы, прорехи да мели
Мне в этом мире достались.
Деньги испортить меня не сумели
(Сволочи! И не пытались!).

Курс молодого бойца

Я, как солдат,
Прохожу подготовку:
Взял автомат,
Разрядил обстановку...

Сила воли

Я стою, как крейсер на приколе,
И смотрю на грязную посуду.
Так я тренирую силу воли:
Вот хотел бы вымыть, а не буду!

Лучше не испытывай!

Нет, у меня не вздорный нрав,
Я – кладезь доброты.
Скажи хоть раз, что я неправ,
И я скажу, кто ты.

Как я шучу

Когда болтать про секс смешно и глупо,
И всё до капли выпито вино,
Меня не зли, мне негде прятать трупы!
Шучу, шучу – пока что мест полно.

Родина слышит? Родина знает?

Припасли слов душевных немало
Для тебя, разлюбезная Русь,
А того, что в ответ ты сказала –
Даже я повторить не берусь.

Из летописи

На троне то опричник, то дурак –
И снова кровь и слёзы густо льются.
Пора б на царство вновь призвать варяг,
Но те уже из греков хрен вернутся...

Льстивым борзописцам

Взывать не стану к вашему стыду,
Позорной лести не назову ни разу,
Но если все дудят в одну дуду –
То очень просто подцепить заразу.

Хороша страна Япония...

Не бывал в Японии ни разу
Для России интеллект храня,
Даже гейш не видел косоглазых...
Как японцы заждались меня!

Урок статистики

Статистика достигла суперкласса,
Такой не знали деды и отцы:
Ты ешь капусту, а чиновник – мясо,
А в среднем – вы едите голубцы.

Плач о трубадурах

То ли время виновато,
То ли климат здесь таков:
Трубадуров – маловато,
Много трубодураков.

Что такое мудрость

Суетиться в нашем возрасте на кой нам?
Знаешь, что такое мудрость, старина?
Мудрость – это когда задница спокойна
И давно уже не ищет ни хрена!

Не будет долгою разлука

С дураком разойтись нелегко,
Это мало кому удаётся:
Даже если послать далеко –
Очень скоро оттуда вернётся.

Есть такая игра

Болит душа при каждом вздохе
И много горя от ума?
Да научись играть ты в похер,
И жизнь наладится сама!

О пользе курения

Не дожидаясь премий и похвал,
На службе, словно лошадь, я пахал,
Но закурил – и капля никотину
Во мне убила глупую скотину.

По пути из магазина

Что было – всё извёл на пищу я,
Бюджет мой нынче нулевой.
Зачем ко мне подходят нищие?
Или не видят, что я свой?

Про живот

Себя сомненьями не мучай,
Ведь мы с тобой не идиоты –
Пивной живот намного лучше,
Чем горб от каторжной работы.

Если что и абсолютно...

Понятно нам, как дважды два – четыре,
Что совершенства ждать – напрасный труд.
Ничто не абсолютно в этом мире...
Ну разве только водка „Абсолют“.

Поучение мудрого старца

Запомни на века,
О юный недоумок:
Жизнь слишком коротка,
Чтоб пить из мелких рюмок.

Тест на логику

Разве только я один
Вопрошаю здраво:
„Если в кофе – кофеин,
Что тогда в какао?“

Я спросил у „Яндекса“ ..

Не болтаю с ясенем, а шагаю мимо я:
Знает всё о поиске тот, кто долго жил.
Я спросил у „Яндекса“: „Где моя любимая?“ –
Сорок порносайтов мне „Яндекс“ предложил!

Клерикальное

Батюшка вчера заметил строго,
Подводя дискуссии итог:
„Если Бога нет – то слава Богу,
А вот если есть... не дай нам Бог!“

Мольба Адама

Просил одно и то же
У Господа приватно:
„Не откажи, о Боже!
Верни ребро обратно!“

Из истории языкознания

Се – хаоса небесного основа
И вечного земного беспорядка:
Действительно, в начале было Слово...
Но в это Слово вкралась Опечатка.

Диетическо-диабетическое

Я от диеты сатанею
И сообщаю вам, друзья,
Что шоколад вдвойне вкуснее,
Когда его уже нельзя.

Возрастное

Ах, дело не в пойле и даже не в дозе,
А просто такие года.
Ужасная штука – понос при склерозе:
Бежишь и не помнишь куда!

Изменить нельзя

Сморщатся харизмы,
Смоются друзья,
Только место клизмы
Изменить нельзя.

Мемуары

Природа всё продумала сама –
Зачем же, вопреки её заботам,
Твердит кусок засохшего дерьма
О том, что был он сочным антрекотом?

Оптимистическое

Задорно и уверенно
Готов я повторять:
„Ещё не всё потеряно!
Терять нам и терять...“

Клеветнику

Ты ложью знаменит,
Но я не жажду мести,
Пусть Бог тебя хранит...
В прохладном тёмном месте.

Примитиву

Тебе не хватило лоска,
С тобой поступили грубо:
Кора головного мозга
Досталась тебе от дуба.

Свято место

Я об этом говорю открыто,
И не надо спорить тут со мной:
Чтоб добиться места у корыта,
Надо быть порядочной свиньёй.

И я был тоже молодой...

И я был тоже молодой
И жил, как в сказках нас учили.
Нашёл я кран с живой водой,
Но воду сразу отключили.

О человеческой чёрствости

Увы, совершенства не сыщешь нигде,
У всех есть проблемы и беды.
„Как много встречается чёрстных людей!“ –
Сказал людоед людоеду.

Благодарственное

Пока ещё, по счастью, мы не овощи,
Нам жизненный толчок необходим.
Спасибо всем, кто отказал мне в помощи!
Без вас бы я не справился один!

Тяга к выси

Ирония vs лирика в стихах Михаила Левина

*Ревут тромбоны на вокзале,
Из кожи лезут трубачи.
Мы обо всём уже сказали,
Теперь о главном помолчим.*

Мне кажется, в двух последних строках приведённой строфы выражен главный художественный принцип поэта Михаила Левина. При чтении его стихов бросается в глаза практически полное отсутствие пафоса. Это не означает, что автор не способен на сильные чувства – такие люди вообще не становятся (не рождаются!) поэтами. Это значит, что самое дорогое, самое сокровенное, «*эту душу своей души*» (по словам Марины Цветаевой) чувствительный человек охраняет тщательно и прячет глубоко.

*Картавым голосом вороньим
Оглашено в ночной тиши,
Что нет дороги посторонним
В дремучий мир моей души.*

Читатель прикоснётся к самому главному, если обладает достаточными знаниями мировой (в основном, европейской) культуры и истории, умеет за иронией разгадать горечь и понимает эзопов язык.

А на поверхности – блестящая ирония. Её много, особенно в миниатюрах.

Оптимистическое

*Задорно и уверенно
Готов я повторять:
«Ещё не всё потеряно!
Терять нам и терять...»*

Тема потери проходит сквозной нитью через всю книгу:

*Я искал тебя в бюро находок
И ещё не знал, что ты – потеря.*

...
*Есть где-то на севере бухта Находка,
А нам попадаютсЯ бухты-потери.*

Это наводит на мысль, что потерь в жизни поэта было много. Что подтверждается стихотворением, которое так и называется – «Теряльщик».

*Что в лоб, что по лбу – одинаково,
Ну сколько можно повторять:
Потери устрашат не всякого –
Лишь не умеющих терять.
А я – теряльщик из отъявленных,
Грозить такому смысла нет...*

Часто из-под иронии упорно проступает горечь: «А я живу в потерянном раю, / И давит нимб на голову мою...»
Ещё пример юмористической миниатюры:

О человеческой чёрствости

*Увы, совершенства не сыщешь нигде,
У всех есть проблемы и беды.
«Как много встречается чёрстных людей!» –
Сказал людоед людоеду.*

Ирония иронией, но тема одиночества, скитаний, непонятости в мире «аэропорченных» людей с некрылатыми душами – ещё одна важная тема в творчестве Михаила Левина. Его лирический герой везде себя чувствует чужим: «И здесь не родные, / И там мы не будем своими», а значит – несвободным, как цирковой лев в клетке: всё, что остаётся в такой ситуации

– «...стальные прутья / грызть подпиленным клыком». И ощущать боль, и печаль, и страх – стать таким же некрылатым, как окружающие. Поэтому – надо вовремя вырваться, улететь:

*Прости, я улетаю,
И помни обо мне,
Покуда не расту
В прозрачной вышине.*

Поэтому – скитания и вечные поиски своего места в мире, хотя порой у поэта закрадывается мысль об их тщетности: «Как хочется сбежать в другое место... / Но что меняет перемена мест?». Поэтому он надевает на себя различные маски и часто, размышляя о современных ему событиях, переходит на эзопов язык.

Какие только маски не примеряет на себя автор! Он пишет о героях греческих мифов и библейских историй, разговаривает с литературными персонажами и реальными историческими личностями. При этом всегда остаётся самим собой, благодаря чему давно и хорошо известные сюжеты получают новые, неожиданные интерпретации. Например, в повествовании об изгнании из рая (о чём не писал только ленивый) внезапно самым главным и самым страдающим персонажем оказывается... змей! Мало того, что его обманула Ева, так ещё Уроборос страшно наказан: с тех пор «Он жуёт, словно "Орбит", свой скользкий змеиный хвост, / И ни вынуть не может, и ни заглотить совсем».

Миф о Пигмалионе и Галатее у поэта оборачивается парадоксом – Пигмалион не сумел оживить своё прекрасное творение. Это смог сделать случайный прохожий, заглянувший в мастерскую скульптора, а сам Пигмалион от удивления застыл и превратился в каменную стагую. Здесь чувствуется ментальность современного образованного человека, знакомого с законом сохранения материи (камень ожил – значит кто-то живой должен окаменеть), и явное влияние сказки о спящей красавице. В общем, в каждой такой истории

скрыто как минимум несколько смыслов и аллюзий, не всё так просто в альтернативной истории Михаила Левина.

И конечно, обращение к древним легендам и литературным персонажам – прекрасная возможность поразмышлять о современных нам событиях, этот приём известен давно, им пользовались многие поэты, в том числе общепризнанные мэтры русской и мировой литературы, достаточно вспомнить, например, «Письма римскому другу» Иосифа Бродского. И тут автору очень пригождается эзопов язык. В наше время, вроде бы, человеку, живущему в свободной европейской стране, нет особой необходимости прибегать к иносказаниям, но эзопов язык, зародившийся как средство борьбы с цензурой, обладает ещё одной уникальной функцией: он позволяет говорить об острых, болезненных современных вопросах не примитивно «в лоб», что часто превращает гражданскую лирику в рифмованную (о, как часто – в плохо рифмованную!) публицистику, а завуалированно, позволяя читателю самому разгадывать истинный смысл сказанного, а это дорогого стоит.

Придерживаясь противоположных автору политических взглядов, я всё равно получила массу удовольствия, обнаруживая в стихах на исторические и литературные (вроде бы) темы явные намёки на сегодняшние события и политических деятелей:

*Суда плывут в Колхиду за руном.
А там и до Тавриды недалече...*

...

*Который тут «стойкий»? – стоять изволь
Не возле шатра маркитантки,
Но там, где поставит тебя король
(Что раньше служил в охране).*

...

*Сейчас настало время дуболомов,
Скандирующих: «Мыс Зелёный – наш!»*

...

*Наш Город перестал быть Изумрудным:
Все изумруды вывезли в Китай.*

Особенно показательно в этом отношении стихотворение «Рикки-Тики-Тави». Если внимательно читать, там присутствуют и Геннадий Шпаликов, и Анна Ахматова, и всё оно – от начала до конца – сплошное, впрочем, довольно прозрачное, иносказание. Совсем не трудно угадать, о какой стране идёт речь, особенно если хотя бы в общих чертах знать биографию автора.

И всё же без лирического начала нет поэзии. А лирика не приемлет иронии и предполагает полную искренность, почти невозможную для человека, иначе читатель быстро обнаружит фальшь и почувствует себя обманутым. На подобную открытость способен далеко не каждый. Георгий Яропольский так писал об этом:

*От природы застенчив и робок,
как могу я, бия себя в грудь,
обнажать, выводить из-за скобок
сокровенное – самую суть?*

Получится ли раскрыться у поэта, привыкшего прятаться за масками?

Оказывается, есть обстоятельства, когда Михаил Левин готов показать своё истинное лицо, снять латы иронии и остаться безоружным:

*И эти нотки в тоне так привычны...
Мы что-то стали слишком ироничны –
Соткали щит из легковесных фраз
И говорим совсем как посторонние,
И устаём от собственной иронии,
Давно уставшей уставать от нас...*

Обратимся к любовной лирике поэта. Многие стихи о взаимоотношениях полов написаны в юмористическом ключе, в них присутствуют насмешка, сарказм, местами даже явная издёвка, и может сложиться мнение, что любовь для него всего

лишь игра, не предполагающая глубоких чувств. Пойдите, где мы это уже встречали?.. Конечно же, это похоже на известного всем персонажа – Дон-Жуана!

«Вот и всё, что люди мне сказали / О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане» – таким представлялся Марине Цветаевой легендарный образ. «Прекрасный» – понятно, но почему же «несчастный»? Казалось бы, наоборот – порхает от женщины к женщине, как бабочка с цветка на цветок, пользуясь всеми прелестями свободных отношений без последствий и ответственности. Но что, если эти порхания – вынужденные? Стоит задуматься, что заставляет Дон-Жуана оставлять одну женщину ради другой? Поиск новизны? Ключевое слово здесь – поиск. Цветаева, будучи сама поэтом, понимала своего героя. Он искал не новизны, но – идеала. У каждого настоящего поэта есть образ прекрасной возлюбленной, до которой не дотягивает ни одна земная женщина. Это Дульсинея для Дон Кихота, Беатриче для Данте, Лаура для Петрарки. Именно её, единственную, ищут поэты в своих жёнах и любовницах, ей пишут великолепные стихи. Реальные женщины – лишь аватары этого небесного образа, временные или постоянные, не так уж и важно. Вечные поиски идеала – крестный путь поэтов, не стоит осуждать их, они этого не выбирали, родившись поэтами. А нам достаются прекрасные стихи, будем же ими наслаждаться. Способность к настоящему, глубокому чувству, к нежности и яркой страсти Михаил Левин доказывает такими, например, строками:

*Зима внушает колкими метелями:
Любовь не измеряется постелями.
А чем же измеряется? Бог весть...*

...

*И плевать, что после скажут люди,
И пустяк, что танец на крови.
Сам тебе главу свою на блюде
Принести готов я в знак любви.*

...

*За временем любви не грядет время встречи,
За временем любви не будет ни черта.*

Последние – особенно показательны: потеря способности любить воспринимается как смерть – «не будет ни черта» – куда уж глубже. Это извечная пушкинская мысль: *«И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может»*. Так устроены поэты: я люблю – значит, я существую. Именно в таком состоянии они могут творить, а для них это означает – жить подлинной, полноценной жизнью. Когда наконец сняты все маски и отброшена ирония, мы видим, что автору подвластна и настоящая, проникновенная лирика:

*Заскрипело времени колесо –
Вот и всё, любимая, вот и всё.
Нам разлук не выпало на «пока» –
На века, любимая, на века.*

*Уж, казалось, пройдены все пути,
Только в рай потерянный – не войти.
Или есть тропиночка и для нас?
Дай-то Бог, любимая. Но не даст...*

К счастью, лирики у Михаила Левина много, и не только любовной. При всех своих земных привязках душа поэта всегда живёт на грани бытия и инобытия, с годами всё больше и больше отрываясь от материального мира. *«Я многое прощал – за тягу к выси»*, – сказал автор. Я тоже. Потому что без этого нет поэзии. Ощущение Божественного присутствия в нашей земной жизни – уже есть поэзия. Это ощущение чувствуется во множестве стихов книги и придаёт лирике поэта возвышенность, непривязанность к материальному миру, необходимые, чтобы взлететь над обыденностью и увлечь за собой читателя.

Ловец

Всё тщета и ловля ветра.

Экклезиаст

*Уже написан Вертер,
Дочитан Мураками,
А он всё ловит ветер
Озябшими руками.
Привык он, ветра вроде,
Летать от дома к дому,
Он от любви свободен,
Доставшейся другому.
Один на целом свете,
Унять не в силах дрожи,
Он ловит, ловит ветер –
И всё поймать не может...*

Вот за это мужественное служение, за бесконечную и безнадежную ловлю неуловимого и дана поэтам способность становиться пророками.

*Не стал Сократом и Жан-Жаком,
Не поразил прозреньем свет,
Зато теперь признать не жалко,
Что рядом с нами жил поэт.
Не пёкса о насущном хлебе
И часто был навеселе,
Но что-то написал на небе –
И всё случилось на земле.*

Лера Мурашова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛАБИРИНТ

За руном	5
Лабиринт	6
Горгона	7
Сизиф	8
Антей	9
Орфей	11
Письмо Одиссея	13
Сократ	15
Пандора	16
Амур	17
Подлинная история Пигмалиона	18
Прометей	20
Речное	21
Античные лимерики	22

ПЕРЕЛЁТНЫЕ АНГЕЛЫ

Из Содомы	25
Меня закружило по свету	26
От обилия влаги ли... ..	27
Львиный монолог	28
Ревут тромбоны на вокзале... ..	30
Разговор	31
Рикки-Тики-Тави	33
Версия	35
Странник	36
Изгнанник	37
Письмо Моисею	38
Не нам костёр в тумане светит... ..	39
Мой возраст	40
Меня здесь нет	41
Амнистия	42
Голоса то, рыдая, смеются... ..	44

ЗА ВРЕМЕНЕМ ЛЮБВИ

Никто не ведал, что нам суждено...	47
Мне ворон не накаркивал беду...	48
Фауст — Маргарите	49
Не ревную! Значит, не люблю...	51
Будь я впечатлительней немного...	52
Звезда любви, звезда порока...	53
Я молчания не нарушу...	54
Ты замёрзла, милая, ты устала...	55
Баллада о выборе	56
Баллада о повинной руке	58
Баллада о красной розе	60
Баллада о честной Нелли	63
Давай-ка лучше без затей...	66
История одного ожога	67
Фонари	68
Птичье	69
Пока мы не озлобились вдвоём...	70
Что можем мы с тобой сказать друг другу...	71
Сонет непониманья	72
Моя любовь похожа на вокзал...	73
И эту ночь я встречу, не любя...	74
После бури	75
Теряльщик	76
Не верю!	77
У ветра не выпытывай: «Куда?»...	78
Барышня	79
Небо завешено сеткой дождя...	80
Рыбка	81
Заскрипело времени колесо...	82
Романс	83
Заклинание	84
Иоканаан — Саломее	85
Гоморра	86
Не очерчивай контур мелом...	88
Песенка	89

Отпускаю	90
Потеря	91
В сомнениях царевна Несмеяна... ..	92
Кленовый блюз	93
Вокзальное	94
Вот будь я котёнком... ..	95
И эти нотки в тоне так привычны... ..	96
За временем любви	97
Не про любовь	98
Письмо туда	99
Играй, факир!	101
Последний день	102
Первая женщина	103
В карете прошлого	104
Ностальгический шансон	105
Субботний романс	107
Ночь рождения	108
Шутки ночи	109
Ах, бросьте... ..	110
Восточные сладости	111
Кошачий романс	112
Роман с камнем	113
К себе домой он женщин не водил... ..	114

ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА

Когда она летала на метле... ..	117
Оборотень	118
Выжить я не мог	120
Что от ведьмы в тебе осталось?.. ..	122
Здесь жил колдун	123
Письмо с того света	124
Кровавый закат	126
Два скелета	127
Баллада о забытом	129
Маленький такой недостаток	130

ДЕТИ АТЛАНТИДЫ

Хранитель	133
Пьеро	134
Город тихо каменел... ..	135
Ловец	136
Аэропорт	137
Ах, какой чудесный лайнер!	138
Баллада о боярышнике	139
У зеркала	140
Дети Атлантиды	141
Песенка оловянного солдата	142
Страшила Мудрый	143
Антиреквием	144
Почти библейская история	146
Одна душеспасительная беседа	148
Партизанская думка	150
Осенний суд	151
Свой палач	152
Дума о Бермудах	153
Вдоль по Невскому	154
В былых страстях уж не стораю я... ..	155
Тёщин зять	156
Виртуальный вальс	158
Робинзолада	160
Экскурсовод	161
Самозащитное	164
Принимайте порошки!	166

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

Купейное	169
Нет, прошлого я этим не обидел... ..	170
Катрены о времени и серебре	171
Под вальс, задумчивый и старый... ..	173
Легко сказать — держись... ..	174
Наш дом штормит уже который час... ..	175

Взгляд	176
Ну не погоду же корить... ..	177
Романс на корме	178
Ледниковый период	179
В тихом омуте черти вымерли... ..	180
Жаль, я не был в краю русалочьем... ..	181
На распутье	182
Закатный час	184
В стиле ретро	185
Нахлынет мимолётное прозреньё... ..	187
Пришла пора решать	188
Под уклон идёт дорога... ..	189
Жестокий романс	190
Автореквием	191
Над чем смеёшься ты, дружок... ..	192
Фантазия	193
Я обиды забываю... ..	194
Монолог Кая	195
Мастер и тени	196
Вершина	197
Никуда	198
А кукушка улетела из часов... ..	199
Стансы	200

ГРИМАСА ПЕГАСА

Тайна вклада.....	203
Кем быть?	204
Письмо с Чукотки	205
Основной инстинкт	206
Бордо и Виардо	207
Познание мира	208
Знакомое насекомое	209
Клизма от идиотизма	210
А может, зря?	211
Птичку жалко	212
Не пуцу!	213

Недомысленный	214
Тёмная ночь	215
Просто народное	216
Гримаса Пегаса	217
Сидит поэт	218
Героическая симфония	219

МЕЛОЧЬ РОССЫПЬЮ

1. БЫЛОЕ И ДАМЫ

Только для мужчин	222
Лекарство от любви	222
Серебряная свадьба	222
Устами младенца	222
Цепи Гименя	222
Семейное положение	223
Гораздо легче	223
Весенняя ностальгия	223
Два женских аргумента	223
Вопрос ребром	223
Что выросло, то выросло	224
Лирическое	224
А что развод?	224
Се ля ви	224
Верность заветам	224
Депрессивное	225
О пользе совместных поездок	225
Деревня, где скучал не гений	225
Ну разве не лучше?	225
Сила чувства	225
Любовь до гроба	226
Во сне	226
По поводу одной отговорки	226
Сожгли, да не всех	226
Пожелание	226
Приходится признать	227
Чем больше женщину мы любим... ..	227

Приписывается Вронскому	227
Если друг оказался вдруг... ..	227
Как мы дружим	227
С голодухи	228
Не о возрасте	228
Коленопреклонное	228
В поисках пары	228
Послесвадебное	228
Сварливой жене	229
Об усмешках Фортуны	229
Полуночное	229
Предраcветное	229
Гамарджоба, генацвале!	229
Не надо бояться!	230
После парикмахерской	230
На вкус и цвет... ..	230
Богатые тоже платят	230
Пора зрелости	230
Про это	231
Обломное	231
Такие разные	231
Очень девичье	231
Мечтательное	231
А счастье было так возможно!	232
Махнём, не глядя... ..	232
Ещё упрямее	232
Виртуальный роман	232
Иная реальность	232
Частушка	233
И ничего, кроме... ..	233
Обидно, да?	233
Прощальное	233
Вот такая арифметика	233
Ей не дано предугадать... ..	234
Противоожоговое	234
Ода настоящему мужчине	234
О тяге к красному	234

Если хочется, то можно	234
Женский склад	235
Тайна, покрытая... ..	235
Разговорчивой даме	235
Проверка зрения	235
В магазине	235
Ностальгическое	236
Если у вас нету тётки... ..	236
Любимая и дорогая	236
Плач Ярославны	236
Полезные советы	236
Гендерное	237
Воспитанная дама	237
Женское гастрономическое	237
Астрономическое	237
Молитва	237
Дважды неудачник	238
На дорожку	238
Что мне нравится	238
Генетическое	238
О праведных	238

2. БЫЛОЕ БЕЗ ДАМ

Если оглянуться... ..	239
Курс молодого бойца	239
Сила воли	239
Лучше не испытывай!	239
Как я шучу	239
Родина слышит? Родина знает?	240
Из летописи	240
Льстивым борзописцам	240
Хороша страна Япония... ..	240
Урок статистики	240
Плач о трубадурах	241
Что такое мудрость	241
Не будет долгою разлука	241
Есть такая игра	241

О пользе курения	241
По пути из магазина	242
Про живот	242
Если что и абсолютно... ..	242
Поучение мудрого старца	242
Тест на логику	242
Я спросил у «Яндекса»... ..	243
Клерикальное	243
Мольба Адама	243
Из истории языкознания	243
Диетическо-диабетическое	243
Возрастное	244
Изменить нельзя	244
Мемуары	244
Оптимистическое	244
Клеветнику	244
Примитиву	245
Свято место	245
И я был тоже молодой	245
О человеческой чёрствости	245
Благодарственное	245
ТЯГА К ВЫСИ. Послесловие	246

Сборник стихов Михаила Левина – книга профессионала. С ним можно соглашаться или спорить, принимать или отвергать, но ясно одно: со стихом работает человек не случайный, знающий слово, чувствующий его не в отрыве от культуры, а в слиянии с нею.

«Метро»

Михаил Левин – поэт негромкий. За него говорит его творчество, вроде бы, тоже негромкое, но правдивое в большом и малом, отмеченное такими свойствами подлинной поэзии, как искренность и проникновенность, глубина и самобытность.

«Ледниковый период»

Хочется отметить высокую культуру речи во всех стихах Михаила Левина: в них много примет современности, но почти отсутствует сленг, есть многослойность, но нет пошлости, в них очень бережное отношение к языковым средствам выразительности.

www.poezia.ru

В интонации и стилистике левинских стихов нет бравурности и дешёвого оптимизма. Трагические темы звучат тем более пронзительно, что рядом – ироничнейшие строки, которым могли бы позавидовать Владимир Вишневский и Дмитрий Александрович Пригов вместе взятые.

«Новая газета в Нижнем»

Его творчество заставляет вспомнить известную мысль Гейне о том, что когда мир расколот, трещина проходит через сердце поэта. И тогда по достоинству будут оценены и нежелание писать проходные «злободневные» стихи, и далёкая от оптимизма философская лирика Михаила Левина. Она была услышана, ибо ох как понятна поколению, чьё становление пришлось на безвременье 70-х, а пора человеческой и творческой зрелости – на постперестроечные годы, с их драматизмом и горьким привкусом разочарования, невостребованности и нереализованности.

«Комфорт»

Пародии и шуточные миниатюры Михаила Левина, полные юмора и неподдельного веселья, вызывали в зале настоящие взрывы смеха.

«Новости Баварии»

С годами в творчестве Михаила Левина, особенно эмигрантского периода, всё слышнее драматические и трагические ноты, всё явственней обозначаются темы подведения итогов, кровной связи со своим народом.

«Афиша Augsburg»

Михаил Левин

Закатный час

Стихи разных лет

В новую книгу известного поэта русского зарубежья Михаила Левина вошли избранные произведения (лирика, пародии, шуточные миниатюры) за 40 лет литературного творчества. Его стихотворения отличают искренность, глубина и самобытность. В их стилистике нет бравурности и дешёвого оптимизма, творчество М. Левина негромкое, зато ему присущи удивительная музыкальность и то особое качество – «лёгкое дыхание» – которое не даётся никакой выучкой, а дарится поэту, подтверждая его призванность.

ISBN 978-5-0056-8733-3

9 785005 687333 >

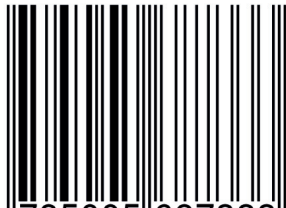
ISBN: 978-5-0056-8733-3

- © Михаил Левин (тексты), 2022
- © Яков Самойлович (рисунки, дизайн), 2022
- © Лера Мурашова (послесловие), 2022
- © Библиотека журнала «Светлана в Германии», 2022

Михаил Левин родился в Нижнем Новгороде. Окончил филологический факультет Горьковского педагогического университета и Волго-Вятскую академию государственной службы. С 2005 г. живёт в Германии. Стихи и пародии публиковались в российских, русскоязычных немецких и американских газетах и журналах, в коллективных сборниках, антологиях и альманахах России, Украины, США, Германии, Финляндии, Израиля. Автор книг «Лабиринт» (1998), «Хранитель» (2001), «Перелётные ангелы» (2005), «Письмо с того света» (2009), «Ледниковый период» (2012), «Дети Атлантиды» (2016). Стихи переведены на английский, немецкий, иврит, на некоторые написаны песни.

ISBN 978-5-0056-8733-3

9 785005 687333 >